

АБСОЛЮТНО НОВЫЕ ИСТОРИИ ИЗ РАСШИРЕННОЙ ВСЕЛЕННОЙ «ХИЩНИКА»

ДЖОНАТАН МЭЙБЕРРИ
КЕВИН ДЖ. АНДЕРСОН
ЛАРРИ КОРРЕЙЯ
МИРА ГРАНТ
ТИМ ЛЕББОН
И МНОГИЕ ДРУГИЕ

ХИЩНИК™

ЕСЛИ ЕГО МОЖНО РАНИТЬ

РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ БРАЙАН ТОМАС ШМИДТ

Чужой против Хищника

АНТОЛОГИЯ

**Хищник. Если его
можно ранить (сборник)**

«АСТ»

2018

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Антология

Хищник. Если его можно ранить (сборник) / Антология —
«АСТ», 2018 — (Чужой против Хищника)

ISBN 978-5-17-107264-3

Многие века они совершенствуют мастерство охоты, превратив выслеживание и умерщвление добычи в высшую форму искусства. Они называют себя яуджа, но Галактика знает их под другим именем – ХИЩНИКИ. Долгое время они не имели себе равных... пока не столкнулись с людьми. Ведь упрямым землянам все равно, насколько превосходит их противник. Важно лишь одно: если его можно ранить, то его можно и убить!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-107264-3

© Антология, 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Брайан Томас Шмидт. Предисловие	6
Тим Леббон. Адские псы	7
Джереми Робинсон. Последняя битва каменной стены	20
1	20
2	22
3	24
4	28
5	31
6	34
Стив Перри. Реванш	37
Уэстон Окс. Пусть кровью полит путь домой	52
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Алан Дин Фостер
Хищник. Если его можно ранить
PREDATOR™: IF IT BLEEDS

TM & © 2018 Twentieth Century Fox Film Corporation. All Rights Reserved.

* * *

*Кевину Питеру Холлу, первому из Хищников, и Джонатану
Мэйберри, моему другу*

Брайан Томас Шмидт. Предисловие

В июне 1987 г. кинокомпания Twentieth Century Fox выпустила первый фильм новой франшизы – научно-фантастический триллер об инопланетных охотниках, посещающих Землю для охоты на людей. Так родился «Хищник». Фильм с участием восходящей звезды, Арнольда Шварценеггера, уже снявшегося в культовых ролях Конана-варвара и Терминатора, шестикратно окупил свой бюджет. Так родилась франшиза. Вскоре началась работа над сиквелом, а Dark Horse Comics приступила к выпуску серии комиксов. Через какое-то время, на радость растущему сообществу фанов «Хищника», появились и романы, и кроссоверы с другой популярной франшизой Twentieth Century Fox «Чужой», и новые фильмы.

Рассказы, собранные в этой книге, написаны поклонниками «Хищника» в честь тридцатилетия франшизы в попытках предугадать ее дальнейшее развитие. Мы поработали с множеством имеющегося материала, включая три художественных фильма, комиксы Dark Horse Comics и многочисленные романы – среди рассказов, собранных под обложкой этой книги, вы найдете много сиквелов и приквелов к этим романам. Новые рассказы для этого сборника создали те, кто уже внес свой вклад во вселенную «Хищника» – Тим Леббон, Кевин Джей Андерсон, Стив Перри, С.Д. Перри и Джон Ширли. Кроме этого, мы представляем вам и новых авторов с новыми рассказами о новых захватывающих приключениях – рассказами, прослеживающими деятельность межгалактических охотников не только в будущем или в эпоху современности, но и на протяжении всей истории человечества.

Шестнадцать увлекательных, наполненных событиями сюжетов развиваются во все времена – от обществ будущего до времен викингов, средневековых самураев и даже американской Гражданской войны. Во многих из них наряду со знакомыми вам персонажами появляются известные исторические личности. Наша цель – подарить поклонникам «Хищника» именно то, что они любят в нем: ураганный экшн, неожиданные повороты, непредсказуемую тактику и ощущение единства всего человечества в схватке с инопланетным разумом, вооруженным технологиями, намного превосходящими наши.

Я сам – горячий поклонник «Хищника», и составление этого сборника доставило мне непередаваемое удовольствие. Надеюсь, те, кто любит эту франшизу, как и я, получают не меньшее удовольствие от чтения нашей антологии. Что касается меня, главные причины моей любви к «Хищнику» – сложная замысловатая культура, язык, стратегия и этика инопланетных охотников. Все это делает их куда более интересными и грозными противниками, чем большинство других инопланетных врагов. Многочисленные романы, комиксы и фильмы снабдили образ Хищников великим множеством любопытных деталей, и авторы этих рассказов тоже не остались в стороне.

Одним словом, эта книга воспекает и прошлое, и будущее удивительной вымышленной вселенной «Хищника». Мы надеемся, что она пробудит в читателях старые воспоминания и породит новые впечатления в предвкушении новых захватывающих глав нашей любимой саги. Если мы их напишем, они будут!

Если его можно ранить, значит, можно и убить!

*Брайан Томас Шмидт,
Оттава, штат Канзас, январь 2017 г.*

Тим Леббон. Адские псы

*ЕГО МОЖНО РАНИТЬ, ЗНАЧИТ, МОЖНО И УБИТЬ.
Майор Алан «Датч» Шефер, «Хищник» (1987)*

Хэлли понимает: все это сон, однако боль жалит, вгрызается в спину, десантная шлюпка, потерявшая управление, кружится, кувыркается в пустоте, несется вниз, к планете... В реальности шлюпку удалось вывести из пике и благополучно приземлиться. Но в этом сне она – единственный пассажир на борту и свободно парит в брюхе шлюпки. С каждым толчком ее швыряет о переборки, с каждым оборотом ее тело отскакивает от пола и потолка, ломаются кости рук и ног, ребра хрустят, трещит череп... Сильнее всего болит спина. В последний миг перед глазами возникает лицо матери – одновременно печальное и злое. Мать не одобрила решения дочери:

– Отправишься в космос – там и умрешь.

Хэлли разом проснулась. Она лежала в узенькой койке – взмокнув от пота, тяжело дыша, запутавшись в скомканных простынях. Дотянувшись до бутылочки у кровати, она вытряхнула на ладонь еще две капсулы «фрэйла». А перед сном уже приняла целых шесть. Ну, не смешно ли: ничто в жизни не приносило ей столько боли, как эта неодолимая тяга к болеутоляющим...

Хэлли прижала ладони ко лбу, села, заморгала, стараясь выбросить из головы печальный образ матери. Слова матери последовали за Хэлли в космос и не оставили ее ни в Колониальном училище морской пехоты, ни на борту той злосчастной десантной шлюпки. Авария стоила ей межпозвоночного диска. Назначенный медиками «фрэйл» облегчил боли в спине, но принес с собой муки иного свойства – вдобавок к огорчению матери, неотвязно преследовавшему ее до сих пор.

Коммуникатор у изголовья зажужжал. Хэлли вздрогнула от неожиданности. В каюте стояла тишина; она была наедине с остатками кошмарного сна. В такие минуты Хэлли очень жалела, что повышение в чине означает неизбежную изоляцию от остальных бойцов.

– Капитан Хэлли, вас вызывает командование.

– Кто именно? – уточнила она.

Многозначительная легкая пауза.

– Майор, и с ним кто-то еще.

Хэлли запустила пальцы в спутанные волосы.

– Иду.

Комм с шипением отключился. Поднявшись с койки, Хэлли взглянула в зеркало над крохотной раковиной. Выглядела она – дерьмовей некуда. Три минуты, чтоб привести себя в порядок...

Для этой операции Хэлли выделили «Дойл», истребитель класса «слик». Пилот, капрал Джейн Эннинг, была ей знакома, но ни с одним из четверых бойцов раньше работать не приходилось. Хэлли требовала, чтоб выбор людей предоставили ей, но майор сказал, что времени нет и команду нужно подготовить за время вводной пятиминутки. Единственным утешением было то, что все они оказались из Тридцать девятого космического, более известного как «Адские псы», а Хэлли знала: негодных морпехов в этом полку нет.

Вводный инструктаж действительно занял не больше пяти минут. В результате Хэлли поняла лишь одно: это – какая-то спасательная операция. Причем внеплановая: ни номера рейса, ни даже контрольного номера уведомления о вылете. Эннинг получит координаты, как только они окажутся в тысяче километров от станции «Харон», а в курс дела их введут по пути.

Гражданский пассажир тоже означал, что ситуация далека от штатной.

– Итак, что у вас? – спросила Хэлли у сидевшего рядом.

Все они были пристегнуты к креслам пилотов в кабине экипажа. «Дойл» мог принять на борт пятьдесят бойцов, но сейчас на борту было только семеро, и Хэлли настояла, чтобы все заняли места впереди. Слева от нее, на месте второго пилота, сидел огромный сержант Тью. За пультом связи устроилась Роджерс, хрупкая с виду француженка со шрамом от ожога на щеке. Рядом с ней сидел Ширман, один из самых рослых мужчин, каких только Хэлли доводилось встречать: дерзкий, самоуверенный, боевых шрамов – не сосчитать. Розартц, усевшаяся за ними, у задней переборки кабины экипажа, мычала себе под нос какой-то навязчивый мотив. Мычание раздражало: Хэлли знала, что это за мелодия. Пожалуй, стоило бы велеть ей заткнуться...

– Я ведь уже представился, – сказал ей в ответ мужчина, сидевший рядом.

– Кэлин...

– Для друзей – Дел.

– Итак, Кэлин, что у вас?

– Моя работа никак не связана с вашей операцией, – ответил он.

Он изо всех сил старался сохранять спокойствие и любезность и дать Хэлли понять, что это ее операция, а вовсе не его... Но Хэлли видела его насквозь. Бывший военный... Нет, никаких внешних признаков, но Хэлли с первого взгляда узнала и эту выправку, и спокойную уверенность в себе, и блеск в глазах. Этот человек многое успел повидать. Возможно, ушел со службы на вольные хлеба, но вряд ли майор согласился бы иметь дело с наемниками – на каком бы высоком уровне такое ни санкционировали. Возможно, гражданский был нанят Компанией – например, в военно-технологический отдел? Нет, тоже вряд ли. «Компанейских» Хэлли видела не раз, и все они прямо-таки источали лоск и презрение к людям в мундирах – такое глубокое, что при всем желании не спрячешь.

– Значит, вы из Седьмого отдела.

Акоко Хэлли поспешила спрятать улыбку: короткая вспышка злости на лице Кэлина оказалась слишком забавной.

– Не обращайтесь внимания, – сказала она. – Мне просто любопытно.

– Как известно всем остальным в вашем подразделении, я – научный эксперт, – ответил Кэлин.

– Думаете, все морпехи настолько тупы?

– Давайте просто подождем получения ваших приказов, хорошо?

Отстегнувшись от кресла, Кэлин поплыл по воздуху через кабину экипажа, провожаемый удивленными взглядами морских пехотинцев. Корабль отошел от станции «Харон» всего несколько минут назад, и генератор притяжения останется выключенным, пока они не получат координаты и не наберут скорость маршевого полета, но Хэлли не тревожилась о безопасности пассажира: тот явно знал, что делает.

– Три минуты до тысячекилометровой отметки, – доложила Эннинг, оглянувшись на Кэлина и Хэлли.

– Давай, – кивнула Хэлли.

Едва заметно завибрировав, «Дойл» устремился прочь от станции «Харон», главной базы Колониальных сил морской пехоты в Солнечной системе.

– Ай! Щекотно! – воскликнул Ширман, ерзая в кресле.

– Ты отвратителен, – поморщилась Роджерс.

– А ночью ты другое говорила, мон ами!

Роджерс, не оборачиваясь, выставила над плечом средний палец.

– Занесите в журнал, капитан: на рядовые достоинства рядового Ширмана никто на борту не покушался.

– А в мечтах? – подмигнул ей Ширман.

– Мечтай дальше, – отрезала Эннинг с места пилота.

Ширман скорчил плаксивую рожу:

– Капитан, а они дразнятся!

– С виду ты вполне можешь за себя постоять, – ответила Хэлли.

– Мне не раз приходилось спасать его задницу, – сказал сержант Тью. – Может, он и здоров, но пусть это вас не обманывает, капитан. При виде крови тут же падает в обморок.

– Только при виде своей! – возразил Ширман.

Хэлли улыбнулась, откровенно наслаждаясь их весельем. Все эти бойцы были ей незнакомы, а послушать их шутовскую перебранку – лучший способ понять, кто чем дышит. Корабль не был подготовлен к долгому перелету, значит, до точки назначения – максимум пара дней. И, что бы их там ни ждало, к прибытию лучше сойтись с бойцами как можно теснее.

Но все же жаль, что майор не дал ей подобрать ребят самой. Уж не Кэлин ли тому причиной?

Если он действительно из Седьмого отдела, значит, операция затеяна Компанией. Седьмой отдел был группой отставных морских пехотинцев на службе у Тринадцати – высшего органа управления Компании. С ними, всеми нелюбимыми и всем внушающими страх, Хэлли иметь дел еще не приходилось. И лучше бы так оно и оставалось впредь.

– Нас вызывают, – доложила Роджерс.

Кэлин подтянулся к пульту связи, перехватил управление, перевел трансляцию на свой комм-имплантат и прислушался, склонив голову набок. Сообщение его явно обрадовало, и он включил динамики.

Этот голос Хэлли узнала сразу – Джерард Маршалл, один из Тринадцати... Она много раз видела его в передачах и на голограммах, но никогда прежде не говорила с ним.

– Потеряна связь с «Трехманом-Два», научно-исследовательской станцией наших воентехов в десяти миллиардах километров за орбитой Плутона, – не тратя времени на любезности, сказал он. – Вам нужно добраться до станции, высадиться на нее и выявить причину их молчания. Командует операцией мой личный представитель Дел Кэлин, следующая по старшинству – капитан Хэлли. Операция – военная, но под юрисдикцией Компании. В принятии любых решений последнее слово – за Делом Кэлином. Все понятно?

– Абсолютно, сэр, – ответила Хэлли.

– Хорошо. Вопросы?

– Какова степень секретности «Трехмана-Два»? – спросила Хэлли.

– Высшая, – после недолгой паузы ответил Маршалл.

– А назначение?

– Я же сказал, капитан: научные исследования.

– Военные.

– Да, военно-технологические.

– С чем нам предположительно придется столкнуться?

– Всей информацией, которая вам может потребоваться, располагает Дел Кэлин.

– Сколько членов экипажа на борту? – спросила Хэлли.

– Членов экипажа?

Казалось, Маршалл едва ли не удивлен ее заботой о людях, на помощь которым они направлялись. Это наводило на мысль, что операция может оказаться вовсе не спасательной.

– Тридцать два человека, – подсказал Кэлин.

– Желаю удачи, – сказал Маршалл.

– Благодарю вас, сэр.

Комм зашипел, связь прервалась, и Кэлин, цепляясь за спинки кресел, переместился к Эннинг.

– Вот координаты, – сказал он, прижимая свой палмтоп к проекционной рамке перед пилотом.

– Сколько лететь? – спросила Хэлли.

Эннинг сверилась с голограммой плана полета.

– На максимуме – шестнадцать часов.

– Окей, поехали, – сказала Хэлли. – Как только наберем максимальную скорость, включай гравитацию, затем – прием пищи. За едой познакомимся поближе.

Отстегнувшись, она оттолкнулась от кресла и приблизилась к Кэлину.

– Мне нужно знать, с чем мы там можем столкнуться.

– Это мы узнаем на месте.

– Вот как?

В ответ он только пожал плечами.

– Что за козлы эти «компанейские», – пробормотала Хэлли себе под нос так, чтобы больше никто этого не слышал.

Кэлин улыбнулся.

– Что у нас на завтрак?

Корабль приблизился к «Трехману-Два». Роджерс вызвала станцию по открытым каналам, но ответа не последовало. В двух километрах от «Трехмана» Эннинг вывела корабль на орбиту, параллельную орбите станции, и все собрались в кабине экипажа.

– Повреждений корпуса сканированием не выявлено, – доложила Розартц. – Системы жизнеобеспечения функционируют, энергоснабжение в норме.

– А спасательные шлюпки? – спросила Хэлли.

– На месте, – ответил Ширман, стоявший рядом с Роджерс у пульта связи. Теперь, когда все были готовы к высадке, все его шутки и подначки прекратились. Это Хэлли понравилось. Она провела с этими людьми всего половину астрономических суток, но уже могла сказать, что под ее командованием оказалось прекрасно сплоченное боевое подразделение. Некоторые дрались вместе и раньше – и, хоть вслух об этом никто не говорил, Хэлли подозревала, что с Кэлином они работают уже не в первый раз.

Но даже если и так, в первую очередь все они – морская пехота, пусть и работают по заданию Компании.

– Оба транспорта тоже на месте, – продолжал Ширман.

– Подойдем ближе? – спросила Эннинг.

– Нет, – ответила Хэлли. Несмотря на удивленный взгляд Кэлина, она вновь повернулась к иллюминатору, глядя сквозь черную пустоту в сторону мертвой космической станции. – Не нравится мне это. Прибывших кораблей не наблюдается, все суда станции на месте... Посылай дрон.

– Роджер¹.

Пальцы Эннинг пробежались по пультам, послышалось негромкое шипение воздуха, и к «Трехману-Два» устремился дрон-беспилотник.

– Нам нужно попасть на борт, – сказал Кэлин.

– Когда – и если – я смогу убедиться, что это безопасно, – ответила Хэлли.

– На борту станции находятся результаты важных исследований. Их необходимо найти.

– Очень любезно с вашей стороны предупредить об этом только сейчас, – сказала Хэлли. – Пожалуйста, помолчите. Идет военная часть операции. Позвольте нам спокойно делать свое дело.

¹ На армейском сленге – «вас понял».

Кэлин не ответил. Со стороны Ширмана донесся странный звук – то ли громкий выдох, то ли негромкий смешок. Но Хэлли не сводила глаз с дрона.

– Даю экран, – сказала Розартц.

С потолка опустился, разворачиваясь в трех измерениях согласно командам Розартц, голографический экран. Изображение заморгало и через несколько секунд сменилось картинкой с одной из бортовых камер дрона.

– Окей, теперь равномерный облет по кругу, против часовой стрелки, – скомандовала Хэлли. – Включить все сенсоры.

Все молча смотрели на экран. Дрон совершил полный оборот вокруг станции в поисках утечек радиации, воздуха, тепла – любых повреждений или признаков деятельности, и Эннинг повела его на новый круг, в перпендикулярной плоскости. Через десять минут наружный осмотр станции был завершен. Ни поломок, ни повреждений.

– Теперь можно высаживаться? – спросил Кэлин.

– Минуту, – сказал Тью. – Капитан, можно еще раз взглянуть на центральный модуль?

Хэлли кивнула Эннинг.

– Что видишь, сержант? – спросила она.

– Что-то там...

Сержант покачал головой. Он был заметно встревожен – едва ли не испуган.

– Сержант Тью?

– Подождите. Дайте присмотреться.

Эннинг повела дрона на новый круг. Все смотрели на экран, не отрывая глаз.

– Ближе к иллюминаторам. У третьего по продольной оси – стоп.

В темном стекле иллюминатора отражались огоньки звезд.

– Свет, – шепнул Тью.

Луч прожектора пронзил темноту, будто копье.

Тью вскрикнул, шарахнулся назад и неизбежно упал бы, не подхвати его Ширман. Роджерс ахнула и тихо выругалась. Кэлин со свистом втянул ртом воздух.

Зубы. Пятнистая влажная кожа. Жвала. Тварь за окном сидела почти неподвижно, но ее взгляд был устремлен прямо в иллюминатор – на дрона, на них...

– Яутжа? – выдохнула Хэлли. Этого она ожидала в последнюю очередь.

– Все. Сливай воду, – сказал Тью. – Им всем хана. Рвем эту станцию к дьяволу и...

– Ничего подобного, – оборвал его Кэлин.

Хэлли твердо, внимательно взглянула в глаза сержанта.

– Есть опыт?

Тью молча кивнул.

– Чужого корабля не наблюдаю, – заметила Эннинг.

– Он не сам явился сюда, – сказала Хэлли. – Его привезли. А станция – научно-исследовательская, помните?

Кэлин хмуро смотрел на изображение яутжа, следившего за ними из темноты центрального модуля «Трехмана-Два».

– Каков план, капитан? – спросила Розартц.

– Лестница.

– А?

– «Лестница в небо». Песня, которую ты напевала себе под нос.

Розартц просияла.

– Ух ты, еще один фанат настоящей музыки!

– План в том, что вы выполните военную часть операции, – сказал Кэлин. – Высадитесь на «Трехман-Два», найдете и изымете накопители данных компьютера, осмотрите станцию на предмет выживших и убьете эту тварь в случае ее нападения.

– Именно в этом порядке? – спросила Хэлли. – Сначала данные, затем выжившие?

Кэлин молча смотрел на нее. Его молчание говорило красноречивее любых слов.

– Взорвать ее, – сказал Тью. – Выживших там нет. Взорвать на хер и уносить ноги.

– На борту находятся результаты исследований, которые...

– На хер ваши исследования! – выкрикнул Тью.

Кэлин рванулся вперед. Тью был на целый фут выше, но гражданский без особых усилий поднял сержанта и швырнул в кресло. Кресло задребезжало.

– Ты – морская пехота? – спросил Кэлин.

Прижатый к креслу Тью рванулся, но не смог высвободиться из его хватки.

– Так и веди себя как морпех! Получил приказ – выполняй. Или гуляй домой.

Отпустив сержанта, Кэлин отступил и одернул костюм.

«Он мог бы прикончить Тью одним пальцем», – подумала Хэлли. Она слышала, на что способны эти типы из Седьмого отдела, и видеть это собственными глазами ей ничуть не хотелось.

– Нам нужен полный конструктивный план станции, – сказала она вслух. – Палубы, технические коммуникации, расположение системных блоков компьютера.

Кэлин подал ей палмтоп. Хэлли кивнула на Эннинг, и «компанейский» бросил палмтоп ей.

– Теперь слушайте, – заговорила Хэлли, чувствуя ледяной холод внутри. За этим холодом крылась неодолимая тяга в очередной раз закинуться «фрэйлом». Ее лицо сохраняло каменную невозмутимость, но внутри все дрожало, нервы звенели как струна в предвкушении дозы. «По возвращении, – подумала она. – Будет дело сделано – будет и награда».

«Отправишься в космос – там и умрешь...»

Казалось, голос матери громом гремит в ушах.

– Теперь слушайте, – повторила она. – Нас шестеро – хорошо вооруженных, прекрасно обученных, а шестеро против одного – это...

– Примерно на равных, – закончил за нее Тью. – Я видел одну из этих тварей в деле.

– Очень полезный опыт, – сказала Хэлли. – Порядок действий всем вам известен. Все вы проинструктированы и обучены воевать с яутжа, – она взглянула на Кэлина. – Возможно ли, что эта особь ослаблена?

– С большой вероятностью накачана наркотиками, – ответил он. – Но я ничего не могу гарантировать. Каким-то образом ей удалось выбраться из изолятора. Трудно сказать, что там произошло.

– Планы загружены, – доложила Эннинг, выводя трехмерное изображение на главный голографический экран.

– Хорошо, – кивнула Хэлли. – Идем двумя тройками. Первая тройка – Тью, Эннинг, Роджерс. Вторая – я, Ширман и Розартц. Кэлин, вы остаетесь на борту.

– Ничего не имею против.

– Ищем выживших. Забираем накопители данных. Возвращаемся.

Хэлли взглянула на Кэлина, словно предлагая ему рискнуть возразить против такой смены приоритетов. Кэлин раскрыл было рот, но промолчал. Тем временем холод внутри усилился. Сердце будто покрылось коркой льда. «Скоро, – подумала Хэлли. – По возвращении. Совсем скоро».

– Выдвигай рукав и начинай стыковку, – приказала Хэлли.

Эннинг задала автопилоту курс сближения, и все отправились в трюм готовиться к высадке. Длинный стыковочный рукав соединил «Дойл» с «Трехманом-Два», и Хэлли приказала бойцам дважды проверить скафандры и оружие товарищей.

Всем было явно не по себе.

А хорошо бы еще «фрэйлинку», прежде чем влезть в скафандр...

Атмосфера на станции оказалась в порядке. Все индикаторы систем жизнеобеспечения светились зеленым. Все как обычно – вот только на борту ни души, а где-то на станции прячется вырвавшийся на волю яутжа.

Все были в боевых скафандрах с защитными масками и датчиками состояния бойца. В случае надобности гибкая оболочка скафандра могла стать твердой, как броня. Винтовки бойцов могли стрелять плазмой, лазерным лучом, микроточечными цельными боеприпасами и взрывчатыми наноснарядами.

Казалось бы, все это должно было внушать уверенность, но...

– Оставайтесь на открытом канале, – сказала Хэлли. – Он все равно знает, что мы здесь.

– Движения не наблюдаю, – доложил Тью. Его голос звучал тоне, чем обычно – на грани срыва.

– На приборы не полагаться, – напомнила Хэлли. – Смотреть вперед. Окей, пошли.

Проводив взглядом Тью, Эннинг и Роджерс, устремившихся вправо, она повела Розартц с Ширманом налево. Тройке Хэлли предстояло первой достичь вычислительного центра станции, но путь туда лежал через несколько лабораторий и жилой отсек.

Хэлли вывела на дисплей маски показания детекторов тепла и движения, но одним взглядом продолжала смотреть вперед. Ей еще не доводилось сталкиваться с яутжа, но она знала: они – прирожденные воины, а их технический прогресс порой движется вперед непредсказуемыми семимильными шагами. Их костюмы-невидимки были давно знакомы и изучены, но как этим тварям порой удается обмануть детекторы движения и тепла, пока что не сумел разобраться никто.

– Сержант?

– Чисто, – откликнулся в ухе ровный голос Тью.

– Сохраняй хладнокровие, – сказала Хэлли, тут же пожалев о выбранных словах. Однажды ей сказали, что она холодна, как глыба льда, и этот упрек здорово задел ее за живое. «Фрэйл» леденил кровь и притуплял чувства, и Хэлли не на шутку опасалась остаться холодной и бездушной на всю жизнь.

Гробовая тишина вокруг внушала тревогу, будто затишье перед бурей. Сердце бешено билось в груди. В наушнике раздался негромкий предупреждающий звон, и скафандр впрыснул ей в кровь седативный препарат для успокоения нервов.

Они двигались по коридорам, проверяя каждое помещение, останавливаясь перед пере-кестками и заглядывая за угол при помощи камер микродронов. Шли осторожно, но быстро: чем дольше они задержатся на борту, тем вероятнее встреча с яутжа. Станция была не из больших, но достаточно велика, чтобы заплутать.

Хэлли надеялась, что яутжа ранен. Или, может, смылся, спрятался при появлении людей, увидев, что их больше...

«Ну да, жди – спрятался», – подумала она. Все, что она знала о яутжа, подсказывало: он скорее будет рад такому вызову и даже не подумает скрываться.

– Лаборатория справа, – сказала Розартц.

Дверь лаборатории была закрыта, но на дверной ручке и вокруг нее темнело большое кровавое пятно. Запекшаяся кровь потрескалась, отслаивалась от пластика хлопьями.

– Ширман!

Хэлли с Розартц разошлись в стороны, направив оружие на дверь. Ширман уперся в стену и взялся за ручку. Хэлли вывела на маски бойцов обратный отсчет. На счет «ноль» Ширман рывком распахнул дверь.

Хэлли затаила дыхание, готовясь нажать на спуск. Ничего. Ни шума, ни движения... только те, кто некогда мог шуметь и двигаться.

– Мать твою... – выдохнул Ширман.

– Тихо, – цыкнула на него Хэлли. – Кэлин, вы это видите?

– Да уж.

Голос Кэлина потрескивал в наушнике, будто он находился где-то далеко-далеко. Возможно, в каком-то смысле так оно и было.

Лаборатория площадью двадцать квадратных метров была битком набита рабочими столами, поддонами с химической посудой и контейнерами для хранения образцов, порой до жути необычных – биологических, механических и даже странных сочетаний одного с другим. И все вокруг было залито кровью, а с потолка свисало несколько тел. Человеческих. Тела, свисавшие вниз головой из дыр, пробитых в обшивке потолка, были страшно изувечены – позвончики вырваны, вывалившиеся наружу внутренности растеклись по столам и по полу. Вдобавок обезображенные трупы едва заметно покачивались от перемены давления, вызванной открыванием двери.

– Шестеро убитых, – подытожила Розартц.

– Тью, что у тебя? – спросила Хэлли.

– Трупы, – откликнулся в наушнике голос сержанта.

– Сколько?

– Э-э... даже не знаю. Наверное... с дюжину.

– Окей, мы идем в вычислительный центр, – сказала Хэлли. – Если найдем по пути уцелевших...

– Уцелевших не будет, – вмешался в разговор Кэлин.

– Кэлин, прекратите засорять эфир, – холодно сказала Хэлли. – Вы мешаете. Мы в боевой обстановке, а вы в операции не задействованы.

Все трое покинули лабораторию, закрыв за собой дверь. На миг Хэлли задумалась о том, кем были эти люди и каково будет их близким. «Лучше им не знать правды, – подумала она. – Компания может просто сообщить, что их родные погибли от несчастного случая».

– Движение, – доложила Розартц. – Второй уровень, зона четыре.

– Тью, – заговорила Хэлли, – наблюдаем движение в твою сторону. Что видишь?

– А, дьявол! – заорала Эннинг.

В наушнике загрохотали выстрелы. Переключив на дисплей маски изображение с нагрудных камер бойцов, Хэлли увидела все, что произошло дальше. Сумятица, хаос, стрельба, ужас... и кровь. Эннинг на картинке с камеры Тью повела стволом винтовки вверх и вбок. Веер лазерных лучей хлестнул по переборкам, превращая их в решето; проводка, перебитая во множестве мест, заискрилась, будто звездное небо.

Роджерс бросилась на пол, перекатилась вперед под лазерным огнем, поднялась... и врезалась в переборку, пригвожденная к ней чем-то, пробившим ее грудь. Ее скафандр затвердел, превращаясь в защитную броню, но слишком поздно. Рот Роджерс раскрылся в отчаянном крике, и кровь, хлынувшая из горла, залила ее маску изнутри.

Глядя на Роджерс, Тью замер с раскрытым от ужаса ртом. Эннинг развернулась к нему и бросилась назад, крича на бегу – призывая сержанта пошевеливаться, сосредоточиться на отступлении и бежать следом за ней, чтобы...

Картинка с камеры Эннинг потемнела: ее рывком вздернули вверх и с силой ударили о потолок. Эннинг рухнула на пол, изображение заморгало и снова обрело резкость. Над ней словно из ниоткуда возникла мерцающая фигура. Полупрозрачная нога поднялась и опустилась на лицо Эннинг – раз, другой, третий.

Камера Эннинг отключилась, но Тью – и Хэлли его глазами – видели все. Яутжа был огромен. Даже сейчас, когда он, ссутулившись, топтал Эннинг, его голова упиралась в потолок. По его броне змеились цепочки ослепительно-белых искр, руки от локтя к плечу и мощные бедра были перетянуты бинтами. Традиционного шлема на его голове не было, и Хэлли

отчетливо видела глубокие разрезы поперек щек и вокруг горла. Из разрезов торчали обрывки трубок, а лоб яутжа был сплошь усеян крохотными датчиками.

Если яутжа и был ранен или болен, ему это ничуть не мешало.

Тью вскинул оружие. Взглянув на свой дисплей, Хэлли в последнюю секунду заметила, что сержант выбрал плазменный заряд.

– Тью, нет! Уничтожишь весь...

Тью выстрелил. Маска Хэлли потемнела, спасая глаза от вспышки. Вновь попытавшись переключиться на камеру Тью, она не увидела ничего. Ни изображения. Ни звука. Ничего. Только тьма...

– Мы должны помочь! – воскликнул Ширман. – Уровень два; лестница – там, в конце коридора.

– Их больше нет, – ответила Хэлли.

Ей не впервой было терять бойцов в бою, но никогда прежде потери не были настолько безнадежными и бессмысленными. Яутжа уничтожил всех троих похода – раздавил, точно тараканов.

– Заряд плазмы должен был прикончить эту тварь, – заметила Розартц. – Верно, капитан?

Но Хэлли не слушала ее. В наушнике зазвенел сигнал тревоги, и исходил он от бортовых систем «Трехмана-Два».

– Пробоина в корпусе, – сказала она. – Второй уровень перекрыт взрывозащитными люками. Зона четыре разгерметизирована. Все, что там было, утащило в космос.

– Нет, – пробормотал Ширман. – Нет...

– Доведем операцию до конца, – сказала Хэлли. – Берем накопители данных, возвращаемся на борт, а после разносим весь этот гадюшник на атомы.

– Капитан, вы уверены, что наш научный советник это одобрит?

Голос Розартц просто-таки сочился сарказмом.

– Ему придется, – отрезала Хэлли. – Не зевать. Пошли.

Все инстинкты требовали как можно скорее убраться с «Трехмана-Два» и вернуться на «Дойл». На станции становилось все опаснее и опаснее – вначале кровожадный инопланетный убийца на борту, а теперь еще и пробоина. Палуба под ногами вибрировала, надстройки поскрипывали от напряжения. Разница в давлении между отсеками будет расти, вскоре по корпусу пойдут трещины, а внутренние взрывозащитные люки не рассчитаны на создание постоянной преграды между атмосферой и вакуумом.

Время уходило.

Хэлли повела бойцов мимо закрытых дверей. В целях безопасности возвращения полагалось проверить все помещения на пути, но на это не было времени. Сейчас судьбу операции решала только скорость. Оплакивать погибших и мучиться над тем, что Хэлли могла бы сделать иначе, можно было и после, вернувшись на борт «Дойла». К тому же и к Кэлину у нее накопились вопросы – например, чем они все думали, затеявая эксперименты над яутжа...

– Главный компьютер станции впереди, – доложил Ширман. – Дверь заперта.

– Розартц, займись, – сказала Хэлли.

Розартц закинула винтовку на плечо и принялась возиться с дверным запором. Хэлли с Ширманом встали по бокам, страхуя ее с обоих направлений. Хэлли пыталась сохранять хладнокровие, но глаза, будто сами собой, часто-часто моргали, лицо под маской сделалось скользким от пота. Скафандр быстро справился с этим, но сама Хэлли не могла похвастаться такой же оперативностью. В глазах помутилось. Казалось, все, что снаружи, ужасно далеко от ее тела, заключенного в скафандр, будто скафандр превратился в нечто куда большее, чем тонкий слой сложного высокотехнологичного материала. Хэлли почувствовала, что выпадает из реальности, и это совершенно никуда не годилось. Только не сейчас. Сейчас как никогда требовалось быть в самой гуще событий. От нее зависели жизни двух уцелевших бойцов.

- Движения не наблюдаю, – доложил Ширман.
- Да, на сканере – ничего, – сказала Хэлли. – Хотя – неудивительно...
- Есть, – перебила их Розартц.

Дверь с тихим шорохом распахнулась, все трое спиной вперед вдвинулись в отсек и закрыли за собой дверь. Розартц набрала код, и замок с лязгом защелкнулся.

- Кэлин, мы в вычислительном центре, – сообщила Хэлли.

– Нам нужен накопитель данных главного компьютера и все резервные накопители, – ответил он.

- Возьмем все, что сможем унести, не подвергаясь опасности, – решила Хэлли.

- Яутжа все еще рядом с погибшими солдатами, – сказал Кэлин.

Хэлли замерла на месте, переглянувшись с Розартц и Ширманом.

- Но их должно было вынести в космос, когда пробило обшивку! Всех.

– Просто передаю то, что показывает сканер. Должно быть, эта тварь выжила и уволокла их тела в безопасное место.

- Зачем?

Кэлин промолчал.

- Я проверю, – сказала Хэлли. – А вы ищите то, за чем мы пришли.

Бойцы взялись за дело. Снова попытавшись подключиться к нагрудным камерам погибших, Хэлли тихо ахнула и отвернулась, чтобы ни Розартц, ни Ширман не заметили ее реакции.

Несмотря на повреждения, камера Роджерс еще работала, и Хэлли увидела яутжа, разделяющего тело Тью. Да, она знала, что эти существа нередко уносят с собой части тел своих жертв как трофеи, но видеть, как рубят на части того, кого знала лично...

Хэлли отключила трансляцию.

- Нужно торопиться, – сказала она. – Скоро вы?

Розартц, орудуя боевым ножом, снимала заднюю панель с системного блока, а Ширман цеплял к поясу несколько каких-то цилиндрических предметов. Задняя панель, громко щелкнув, отскочила, Розартц запустила руку внутрь и выдернула из системного блока обсидиановый куб размером с кулак.

- Готово, – сказала она. – Уходим.

Но стоило Хэлли приблизиться к двери, сканер скафандра засек движение в коридоре. Хэлли окинула взглядом отсек. Другого выхода не было. Встретившись взглядом с Ширманом, она кивнула и подала знак Розартц.

Розартц бросила куб в карман скафандра и направила на дверь свой палмтоп.

– Как только начнет открываться, огонь микроточечными, – сказала Хэлли. – По всему проему. Разнесем эту тварь в клочья. На счет «три».

Она запустила обратный отсчет, но, глядя на мелькающие цифры, нахмурилась. Движущийся объект казался странным. Слишком маленьким...

На счете «один» замок щелкнул, подчиняясь команде Розартц.

- Подождите! – воскликнула Хэлли.

- Слава богу... – раздался новый, знакомый голос.

И тут Ширман выстрелил. Два десятка микроточечных снарядов устремились в растущую щель между дверью и косяком. На долю секунды Хэлли увидела женщину, стоявшую в коридоре. Ее белый костюм был грязен, перепачкан засохшей кровью. Изможденное лицо побледнело, словно она не спала и ничего не ела несколько дней. На воротке красовался знакомый символ Компании, в широко раскрытых глазах блеснула давно оставленная надежда.

Но тут снаряды достигли цели, и тело женщины разорвало на части. Дверь распахнулась наружу... и вдруг часть потолка за спиной Хэлли разлетелась вдребезги. Огромная фигура мягко, упруго спрыгнула вниз.

Хэлли бросилась на пол, перевернулась через голову и вскочила, вскинув винтовку.

Яутжа приземлился на ноги, вонзил мощные когтистые пальцы в живот Розартц и поднял ее в воздух; из прорехи в не успевшем переключиться в режим брони скафандре хлынула кровь. Розартц забилась в конвульсиях, из последних сил пытаясь направить винтовку на врага.

В ужасе от того, что наделал, Ширман развернулся назад.

Яутжа швырнул в рослого морпеха растерзанное тело Розартц и, едва ли не с балетной легкостью и грацией, крутанулся на одной ноге. Вторая нога инопланетного охотника ударила Ширмана в живот. Ширман упал. Тело Розартц рухнуло на него сверху. Оба скрылись из виду, заслоненные от Хэлли спиной яутжа и стойкой с корпусами компьютеров.

Ширман закричал – может, от боли, а может, от страха.

Яутжа повернулся к Хэлли. Никогда в жизни она не видела ничего настолько неземного, однако в спокойном взгляде инопланетянина светился удивительный, пугающий разум. Он склонил голову, присел и зашипел. В широко раскрытой пасти влажно блеснули кривые клыки. Из ран на горле сочилась яркая едко-зеленая жидкость – должно быть, кровь, – а при виде датчиков на лице и лбу яутжа Хэлли неожиданно для самой себя почувствовала стыд.

«Ведь это сделали мы, – подумала она. – Мы, люди».

Прижавшись спиной к переборке у двери, она вскинула винтовку и отдала скафандру команду переключить оружие на лазерный огонь.

Ширман за спиной яутжа поднялся на ноги. Он был с головы до ног залит кровью. Частью это была кровь Розартц, но и в его животе – там, куда пришелся удар ноги яутжа – зияла страшная рана. Его скафандр затвердел и уже начал тампонировать рану, но Хэлли отчетливо видела внутренности, вывалившиеся наружу.

В руке Ширман сжимал плазменную гранату.

Хэлли скользнула вдоль переборки, спиной вперед упала в коридор и выстрелила в падении, целя яутжа в ногу. Но выстрел угодил в пол: яутжа, взвившись в воздух, прыгнул на нее.

Хэлли зажмурилась.

Скафандр затемнил маску и затвердел, спасая Хэлли от взрыва, но ослепительная, раскаленная взрывная волна швырнула ее в стену, смешав, разорвав в клочья все мысли и чувства. Последним, что она видела, была пылающая, визжащая, корчащаяся в судорогах фигура, летящая прямо на нее.

Затем наступила ночь.

Боль жалит, вгрызается в спину, десантная илюпка, потерявшая управление, кружится, кувыркается в пустоте. Хэлли понимает: все это сон, – но никак не может вырваться из кошмара.

Всякий раз, как боль начинает разливаться по телу, «фрэйл» заставляет ее отступить. Он хранит Хэлли от боли. Да, он мучает, лишает воли, мешает оставаться самой собой, но в этот миг, здесь и сейчас, спасает от...

Здесь? Где это – «здесь»? Сейчас? Когда это – «сейчас»?

Хэлли изо всех сил старается открыть глаза. Она чувствует запах смерти, слышит треск пламени, чувствует жуткую теплую влагу там, где скафандр обгорел. Что, если это – ее собственные кишки, вывалившиеся наружу, а «фрэйл» просто дарует минуту покоя между жизнью и смертью?

– Отправившись в космос – там и умрешь.

Но это вовсе не голос матери...

– Там... и... умрешь, – с трудом выговорила Хэлли.

Зубы ее были холодны, как лед, горячие губы слиплись от крови.

Хэлли открыла глаза.

От жуткого жара плазмы переборки и потолок покоробились, оплавившись, и теперь пластик медленно застывал, стекая вниз. Горячий воздух обжигал ноздри, от пола веяло жаром.

Хэлли подняла голову и взглянула в отсек вычислительного центра. Там бушевал огонь. Жирный черный дым, поднимавшийся от горящих тел, стремительно тянулся в вентиляцию: аварийные системы станции взялись за дело. Спринклер над головой Хэлли кашлянул и выплюнул тонкую струйку воды, тут же с шипением испарившуюся на полу.

Хэлли села. Падая, он не выпустила оружия: руки все еще прижимали винтовку к груди. Вокруг были разбросаны обгорелые останки убитой Ширманом женщины.

Превозмогая боль, Хэлли поднялась на ноги. Скафандр уже занялся ее ранами, и Хэлли почувствовала первый поцелуй «фрэйла» в крови. Конечно, доза были не та: штатные точечные инъекции не шли ни в какое сравнение с теми убийными таблетками, что принимала она. И все же обезболивающее, растекаясь по венам, напомнило о том, кто и что она есть – капитан Колониальной морской пехоты, подсевшая на «колеса».

Хэлли засмеялась, но вместо смеха из горла вырвался сиплый, натуженный хрип.

По коридору тянулась цепочка обгорелых следов, окруженных яркими едко-зелеными кляксами крови яутжа.

– ...ветьте! Хэлли, от...

Голос в ухе. На миг Хэлли почудилось, что кому-то из ее морских пехотинцев удалось уцелеть, но в следующую секунду она узнала голос Кэлина.

– Хэлли... слышите ме... что произошло с?..

– Кэлин, – сказала она, – я возвращаюсь на борт.

– Он у вас? Хэлли, накопитель данных у вас?

Хэлли оглянулась назад – на оплавленные остатки шкафов и стоек, на обгорелые тела бойцов на полу вычислительного центра – и вырубилась связь.

Идти было больно. Опустив взгляд, Хэлли оценила полученные ранения и тут же пожалела о своем любопытстве. Пока что скафандр помогал сохранять способность к действию, но это ненадолго. Ей нужно было попасть в судовой лазарет «Дойла».

Хэлли понимала: туда ей, вероятнее всего, не дойти, – но все же должна была постараться. Дойти. Еще раз доказать матери, что она неправа...

«Фрэйл» охлаждал кровь, замораживал раны. Без него невозможно было бы остаться в строю. Хэлли шла вперед, забыв о всякой осторожности, огибала углы, пересекала перекрестки, даже не задумываясь о том, что может скрываться за очередным поворотом. Дисплей маски еще работал, но звук то и дело прерывался шипением, изображение рябило, и информация практически не читалась.

Достигнув шлюзового модуля, Хэлли оглянулась. По полу сзади тянулся кровавый след. Хэлли нахмурилась: эта кровь вытекла не только из ее ран. Часть крови была зеленой.

В круглом отсеке перед шлюзом, прямо напротив Хэлли, сжавшись в комок на полу и прижавшись спиной к стене, сидел яутжа. Его била дрожь. Из дюжины ран ручьями текла зеленая кровь, спина сплошь обгорела, от множества длинных, похожих на волосы отростков на голове остались только обугленные пеньки. В довершение всех этих бед, яутжа лишился глаза – вместе с доброй половиной лица.

Подняв голову, он взглянул уцелевшим глазом на Хэлли.

– Хэлли! – крикнул Кэлен.

Она же отключила комм! Хэлли озадаченно сдвинула брови, но тут же поняла, что слышит не передачу, а настоящий, живой голос. Голос звучал из открытого люка шлюза, с противоположного конца стыковочного рукава, соединявшего «Трехман-Два» с «Дойлом».

– Хэлли, накопитель у вас? Я не могу позволить вам вернуться без него!

Хэлли бросила взгляд в сторону шлюза. В стыковочный рукав ей было не заглянуть, но она и без того знала, что может там увидеть – Кэлина с оружием в руках. Все они для него – расходный материал, и, если он не получит то, что ему требуется, домой ей не вернуться.

Что ж, ладно.

Яутжа отвернулся от Хэлли и устремил взгляд в сторону люка.

Тяжело привалившись к стене, Хэлли осела на пол и опустила винтовку. Яутжа оперся на руки и выпрямился. Должно быть, его терзала жуткая боль, но он не издал ни звука. Нетвердым шагом он двинулся к шлюзу, оставляя за собой лужицы крови и ошметки обгорелой плоти.

– Я иду! – сказала Хэлли.

– Хэлли, вы нашли то, что мне нужно? Если да, это пойдет вам на пользу. Повышение, награды... Вы нашли то, что нужно?

– Да, Кэлин! – крикнула она в ответ. – Ты получишь то, за чем явился!

– Хорошо. Тогда идите. Знаю, вы ранены. Медкапсула вас ждет...

Яутжа шагнул в шлюз. Из рукава донеслись тяжелые хлюпающие шаги – охотник рванулся вперед.

– Что за дья... – еле слышно выдохнул Кэлин.

Рев яутжа смешался с выстрелами лазерного пистолета.

Человек из Седьмого отдела отчаянно завизжал.

Зарывав от боли, Хэлли поднялась на ноги и вынула из магазина винтовки плазменный заряд. Новая порция «фрэйла» растеклась по венам холодной волной. Поставив заряд на взвод, Хэлли подключила его к скафандру – так, чтобы взорвать на расстоянии.

Швырнув заряд в стыковочный рукав, Хэлли проводила его взглядом и хлопнула по пульту управления шлюзом.

Крышка люка лязгнула, перекрывая проход. Хэлли сощурилась, глядя вдоль стыковочного рукава сквозь смотровое окно, но что происходит в шлюзе «Дойла» в пятидесяти метрах впереди, разобрать не смогла.

– Прощайте, – сказала она, подрывая заряд.

Удар взрывной волны был силен, но люк выдержал. Грохот взрыва тут же стих в космическом вакууме. Вновь взглянув в смотровое окно, Хэлли увидела стыковочный рукав, разлетающийся на миллион частей. Отброшенный взрывом «Дойл» медленно удалялся прочь. Из распахнутого люка рвался наружу воздух, унося в пустоту вихрь обломков... и две фигуры, навеки сцепившиеся в жутких объятиях. Прислонившись лбом к смотровому окну, Хэлли отдала скафандру команду дать ей еще дозу «фрэйла», но запас был исчерпан без остатка. Хэлли бесильно осела на пол. Вскоре придет боль, и до этого – хочешь не хочешь – придется проверить, работают ли медкапсулы станции. Если да, у нее есть шанс привести себя в порядок настолько, чтобы взять одну из спасательных шлюпок и проложить курс домой, на базу. Если послать сигнал бедствия, за ней придет спасательное судно Колониальной морской пехоты. Ее собственные «Адские псы» примчатся на помощь...

Но до этого еще следовало хорошенько подумать, что и как докладывать по возвращении.

Хэлли понимает: все это сон, но боль накатывает – волна за волной, выжигает душу, леденит сердце. Боль от ран невыносима, но муки ломки – много хуже. Во сне помощи не предвидится, и это ужасное, неодолимое, ни на минуту не отпускающее влечение придется терпеть целую вечность.

В реальности помощь вот-вот будет здесь.

«Отправишься в космос – там и умрешь».

Может быть, мама. Может быть. Но пока еще поживу.

Джереми Робинсон. Последняя битва каменной стены

1

Чанселорсвилль, Вирджиния, 2 мая 1863 года

– Если я оглянусь и увижу, что солдат не смотрит в лицо врагу, я сам всажу ему пулю в затылок.

Джексон Каменная Стена², генерал армии Конфедеративных Штатов, оглядел своих людей. Отощали, серые мундиры в заплатах, а уж оружие... Целая выставка разномастных винтовок, револьверов и сабель. Среди них не нашлось бы двух одинаковых, но людей генерала объединяло кое-что другое, общее для всех солдат – страх.

И это могло быть опасным.

Смертельно опасным.

Всего один человек, в решительный момент побежавший не туда, может развалить целую армию. Поэтому Каменная Стена и обращался с людьми как можно строже: враг их не помилует, а Джексон не собирался позволять кучке янки перестрелять своих солдат. Но одними угрозами тут было не обойтись: его просто перестали бы уважать. Подчеркивая, что приказ – для всех, не исключая и его самого, он объявил:

– То же самое касается и меня. Увидите меня бегущим от врага со страхом в глазах, значит, я вам больше не генерал, – он постучал указательным пальцем по лбу. – Всадите пулю. Прямо сюда.

Он прошелся вдоль строя, глядя на чавкающую под ногами грязь. Несколько дней лил дождь, но теперь жаркое не по сезону солнце навестывало свое, подняв большую часть вылившейся на землю влаги обратно в воздух. Духота была невыносима. До нитки промокший от пота мундир противно лип к телу, и генерал вложил всю силу своего раздражения в последние слова:

– Завтра утром мы дадим этим янки трепку, которую они забудут не скоро. В следующий раз, когда я буду говорить с вами, армия старины Джозефа Хукера³ будет драпать вверх по Потомаку – прямо к черту в задницу!

Усталые люди оживились и разразились восторженным воплем. Вопль волной разнесся над строем, докатившись даже до тех, кто не мог слышать генерала. Но это было неважно. Его слова будут пересказывать друг другу шепотом всю ночь напролет, и каждый добавит к речи о чертовой заднице что-то от себя. Ну и пусть – лишь бы не задумывались о надвигающейся смерти.

– А сейчас поешьте как следует да выпитесь хорошенько. Подъем на рассвете.

Каменная Стена махнул рукой и повернулся к темному лесу, отделявшему армию от поля, где многим из его людей предстояло умереть. Они обошли Хукера с фланга. План, предложенный генералом Ли⁴, был дерзок, но безупречен. Однако Джексон не собирался вести своих людей в битву, не увидев поле боя собственными глазами.

– Гусь! – окликнул он.

² Томас Джонатан «Каменная Стена» Джексон (1824–1863) – один из самых талантливых генералов Юга во время Гражданской войны в Америке 1861–1865 годов. Его нелепая гибель от «дружественного огня» считается многими одной из основных причин поражения конфедератов в войне.

³ Джозеф Хукер (1814–1879) – генерал-майор армии Северян, командующий Потомакской армией.

⁴ Роберт Эдвард Ли (1807–1870) – главнокомандующий армией Конфедератов и один из самых известных американских военачальников XIX века.

Мгновение спустя тот возник рядом.

– Мы готовы, сэр.

Гусь дело знал. Лучших, чем он и его люди, Каменная Стена еще не видел. Безжалостные, проворные, ловкие в обращении с мушкетом и с клинком... Генерал не сомневался, что до войны все они были не из ангелов. Скорее всего, преступники, и не только с виду: все они, подобно Гусю, скрыли свои имена, выбрав вместо них клички. Но на поле боя все равны, а четверо, стоявшие рядом с Гусем, уже не единожды искупили любые прошлые прегрешения.

Ни слова не говоря, все шесть человек направились к опушке – Гусь рядом с генералом, остальные чуть позади, с оружием наготове. Войдя в лес, Гусь пошел первым.

Здесь, на юге, молодая весенняя листва распустилась так пышно, что тусклый звездный свет не достигал земли. Луны и вовсе было не видно: ушла, отступила, как вскоре отступят и их враги... Гусь остановился, вслушиваясь в тишину. Слух у него был острым. Порыв ветра прощуршал в кронах деревьев, посыпавшиеся вниз капли забарабанили по земле. Больше вокруг не было слышно ни звука – казалось, даже птицы улетели прочь.

«В лесу убийцы, – подумал Каменная Стена. – Так что птицы поступили мудро».

– Фонарь? – спросил Гусь.

– Только один, – ответил генерал, – и поменьше огня.

– Нитка, – позвал Гусь.

Высокий жилистый человек крадучись подошел к ним и присел на корточки. Огонек, загоревшийся после нескольких секунд возни и тихой ругани, тут же угас, превратившись в крохотную искорку. В кромешной ночной тьме этого было довольно, чтоб не упасть, споткнувшись о кочку или корень. Если держать фонарь пониже, заметить его нелегко даже выйдя навстречу, а вот упавшего всякий имеющий уши засечет с любой стороны.

– Помните... – начал генерал, принимая фонарь, чтобы освободить руки остальных для оружия.

– Подходим тихо, наблюдаем за врагом, убиваем только по необходимости, – закончил за него Гусь.

Генерал не видел его лица, но был уверен, что Гусь ухмыляется во весь свой щербатый рот.

– Или для забавы, – добавил Нитка.

Остальные захихикали.

– Забавы оставьте на утро, – сказал Каменная Стена, и двинулся в лес, желая поскорее покончить с разведкой и, говоря откровенно, в надежде пристрелить нескольких солдат Союза, пока не кончилась ночь.

Такая возможность представилась ему ровно через двадцать минут.

2

– Вспотел, как мамочка Малыша Джонни под сиськами в середине июля, – прошептал Джек Босяк. Он был самым здоровенным в разведывательной партии генерала и говорил все, что приходило ему на ум, не опасаясь отповеди. Нет, его не боялись – пулям мускулы нипочем, – просто так уж подобные люди устроены.

– Молоко моей мамочки – лучший самогон к югу от Мэйсон Дикси, – ответил Джонни. Он был полной противоположностью Босяку во всех отношениях – невелик ростом, изворотлив и быстр. Джек мог бы задушить врага голыми руками, а Джонни за вдвое меньшее время вонзил бы в него нож десяток раз и выпустил всю кровь. Общим у них было одно – невозддержанность на язык.

Каменная Стена поморщился. Он никогда в жизни не видел матушки Джонни и видеть не хотел, но, когда бы речь ни зашла о ней и всевозможных ее выделениях, ни разу в его воображении не возник хоть сколь-нибудь симпатичный образ. Лицо Джонни напоминало морду хорька, а кожа его была сплошь усеяна пятнами. Либо его мамочка святая, раз уж спала с подобным уродом, либо сама была столь же неприглядна на вид.

– Тихо, – сказал Гусь.

Вначале генерал подумал, что Гусь просто призывает людей к порядку: идя в разведку со своей командой, Каменная Стена предоставлял держать людей в узде подчиненному, чтоб их мятежные порывы не обращались на самого Джексона. Но неподвижность Гуся и поднятая им винтовка означали, что разведчик что-то слышал.

Все припали к земле, затаили дыхание, прислушались...

Минута прошла в полной тишине.

– Ты точно че-то слышал? – спросил Кодил.

Кодил когда-то жил в болотах Флориды. Этому ни жара, ни влажность не докучали – он был словно создан для них. Казалось, внушить ему страх не может ничто – даже, по его собственным словам, «двадцатифутовый кодил, что я прикончил тесаком». Длинный зуб упомянутой рептилии Кодил, в доказательство такого подвига, носил на шее. Кроме мерзкого запаха, этот тип отличался недостатком терпения.

Вот и теперь он выдернул волосатую руку из пальцев попытавшегося удержать его Гуся, поднялся над густыми кустами, за которыми укрылись разведчики, и медленно покрутил головой из стороны в сторону, вглядываясь в темноту.

– Негу там ниче.

И тут в тишине раздался голос:

– Молоко моей мамочки.

Слова были странно искажены и звучали издали, но ошибиться было невозможно: кто-то сумел подкрасться так близко, что подслушал разговор разведчиков и теперь передразнивал их.

Не нуждаясь в командах, люди взяли оружие наизготовку и замерли в ожидании приказа. Каменная Стена кивнул Гусю. Тот поднялся.

– За мной, два-один-два. Сами знаете.

Склонившись вперед, чтобы не служить слишком крупной мишенью, Гусь покинул укрытие первым. За ним последовали Нитка и Джек Босяк, за ними – генерал, и, наконец, Малыш Джонни с Кодилом. Нет, генерал был готов делить со своими людьми все опасности боя и разведки, но и дураком вовсе не был. Для дела его жизнь и ум были куда важнее, чем жизни и умы подчиненных. В случае чего бой они примут вместе, однако вражеские пули вначале отыщут кого-то еще, а уж потом – генерала.

– Пригнувшись, все разом, – скомандовал Гусь, двинувшись на голос.

Скудный свет фонаря освещал путь. Несомненно, они шли в западню, но Каменной Стене необходимо было проверить, кто скрывается в лесу, прежде чем на рассвете вести сюда армию.

Генерал гордился своими бойцами, глядя, как те искусно крадутся в темноте. Если янки и знают о горстке конфедератов в лесу, то ни за что не заметят их приближения.

Гусь снова остановился и прислушался, но нужды в этом не было никакой: солдаты Союза сами выставили себя напоказ, безбоязненно запалив факел. Их было трое, и все они тараторили одновременно, будто бабы на кухне. Вот только в голосах их слышался страх и кое-что еще более скверное, обычно приходящее к концу битвы, – безнадежность.

– Эх их разобрало-то, – заметил Кодил.

– Видать, уже знают, кто мы, – сказал Джек Босьяк.

Среди конфедератов Гусь и его люди успели составить себе определенную репутацию, однако вряд ли их слава докатилась и до Союза – хотя бы потому, что каждая встреча с разведгруппой заканчивалась смертью врага.

Мертвые не болтают...

– Они не про нас, – сказал Гусь. – Вы слушайте.

В наступившей тишине из темноты донеслись дрожащие голоса врагов:

– Говорю тебе, я видел прямо сквозь него!

– А глаза как горели! В этом лесу живет сам дьявол!

– Вовсе не дьявол. И не зверь, – возразил третий. Этот, в отличие от других, сохранял спокойствие. – Это человек. В темноте. Возьмите же себя в руки!

Всего лишь несколько фраз, обрывки разговора – но их оказалось довольно. Картина начинала складываться, и Каменной Стене она не нравилась ни в малейшей степени.

– И мы должны поверить, будто один человек смог прикончить девятерых наших без единого выстрела? Не оставив ни единого трупа?

Значит, они встретили в лесу врага, и притом не кого-то из людей генерала... Это могло означать, что перед Союзом встала проблема перебежчиков (что пошло бы южанам только на пользу), либо что в этом лесу прячется банда беззаконных убийц. Тогда это могло бы стать проблемой и для генерала, если только неизвестные не присоединятся к его собственной банде беззаконных убийц. Но правду не выяснить, не допросив этих людей.

– Они нужны живыми, – сказала Каменная Стена.

На лицах разведчиков отразилось разочарование.

– Проклятье, – буркнул Нитка.

– Заставьте их говорить, а потом можете заставить замолчать, – сказала Каменная Стена.

По законам войны этих людей полагалось взять в плен живыми, но три лишних едока, отнимающие пищу у своих, были бы совершенно некстати. Генерал кивнул Нитке, Джонни и Джеку Босьяку:

– Окружить их. А когда вспыхнет свет... ну, вы дело знаете.

3

Свет, вспыхнувший в ночной темноте и осветивший заросли, ослепил бы любого. Вкупе со звоном разбившегося о землю фонаря он сбивал с толку так, что даже генерала подвели глаза. Генерал был готов к яркой вспышке, и все же в ветвях над головой ему почудилась тень, пляшущая, как живая. Он мог бы поклясться: прежде чем свет угас, эта тень взглянула прямо на него.

Рука генерала метнулась к кобуре у бедра, но, не успев выхватить револьвер, как истошный вопль вновь привлек его внимание к солдатам Союза:

– Боже правый, он возвращается!

Каменная Стена понимал, что это кричит человек, но голос был больше похож на визг койота. За криком последовала беспорядочная стрельба, что-то злобно свистнуло в воздухе, зацепив щеку, и что-то тяжелое, навалившись на генерала, прижало его к земле.

Вспомнив о живой тени, генерал рванулся, стараясь освободиться, но тут в ухо жаркодохнул голос Гуся:

– Это я, генерал.

Стрельба стихла, сменившись новыми криками: одни голоса молили о пощаде, другие требовали повиновения. Гусь помог генералу подняться. В его голосе чувствовалось раздражение.

– Думали напомнить себе, что от пуль не заговорены?

– Я в порядке, – сказал Каменная Стена, отряхивая мундир от волглых прошлогодних листьев.

Гусь тронул пальцем щеку генерала, и Каменная Стена зашипел от боли.

– Ну вот, ранены. Придется наложить шов или два.

Любой другой, заговоривший с генералом в подобном тоне, мигом был бы назначен в первые ряды войск в завтрашней битве, но Гусь заслужил это право. Здесь, на войне, он был ближайшим из друзей Каменной Стены. Вполне сочувствуя уважаемым людям, наподобие Роберта Э. Ли, с ними он не мог быть самим собой. А вот Гусь действительно знал генерала. Знал о его страхе перед войной, о любви к жене Мэри и новорожденной дочери Джулии... Генералу хотелось лишь одного: быть с ними, дома, в безопасности, у теплого очага. Поэтому-то он и дрался так яростно. Чем скорее закончится война, тем скорее он вернется к ним...

– Сойдет и шрам, – ответил генерал, вновь взглянув на небольшую полянку впереди.

Крики стихли. Каменная Стена прошел по гаснущим язычкам пламени и выступил на поляну. Гусь и Кодил прикрывали его, не ослабляя бдительности. До лагерей Союза и Конфедерации было по несколько миль, но как знать, кто еще рыщет по лесу в эту ночь?

Трое солдат Союза стояли на коленях. Из их ран, несомненно, нанесенных Ниткой, Малышом Джонни и Джеком Босяком, текла кровь. Обошлись с ними сурово, но, к радости Каменной Стены, никого не убили. Вдобавок большей части ранений было уже по нескольку часов – кровь запеклась, ушибы налились синевой.

Только один из троих поднял взгляд им навстречу. Этот человек был молод, носил усы и офицерский мундир. Старший. На вид – трус. Руки его дрожали, глаза бегали из стороны в сторону. При взгляде в глаза генерала на лице офицера отразилось узнавание. Узнавание и – вот уж чего генерал никак не ожидал – облегчение.

– К-каменная Стена? – спросил тот. – Благодарение Господу.

Солдат Союза, благодарящий Господа при виде генерала Джексона Каменной Стены в ночь перед битвой, или, если уж на то пошло, в любую другую ночь... Это было неслыханно. Тем не менее вот он, прямо перед генералом – окровавленный северянин, готовый лобызать ему ноги, будто самому Иисусу Христу.

– Имя и звание, сынок, – сказал Каменная Стена.

– Капитан Джейсон Эймс, сэр.

«Сэр», – отметил генерал. Не формальность, знак искреннего уважения. Но что это? Страх? Или, может, его репутация хитроумного полководца уже внушает северянам такой трепет? Если так, это хороший знак перед утренней схваткой. Нет варева жиже, чем армия, охваченная страхом.

– И что вы здесь делаете, капитан Эймс? – спросил генерал.

Нитка занес кулак, готовясь ударить офицера, но Каменная Стена остановил его, подняв руку. В глазах пленника не было признаков непокорности.

Капитан оглядел обступавшие поляну деревья. Остальные двое и вовсе не сводили взглядов с зарослей с тех самых пор, как генерал впервые увидел их. Генерал тоже поднял взгляд вверх, к ветвям. Туда, где плясали тени... Масло, разлившееся из разбитого фонаря, еще горело, но огонь угасал. Еще пара минут – и вновь наступит полная темнота.

– Капитан Эймс? – поторопил пленного Гусь, напоминая об оставшемся без ответа вопросе.

– Д-думаю, то же, что и вы. Проводим разведку...

– Гляньте на него, – сказал сидевший справа от Эймса, указывая на генерала, все еще не сводившего взгляда с деревьев. – Он его тоже видел.

Генерал устремил взгляд на второго пленника.

– Кого именно?

– Демона, – ответил тот. – Самого Люцифера.

– Он больше всех вас, – добавил другой безымянный северянин. – И проворнее. Глаза горят! Убил девятих. Остались только мы.

– Ничего удивительного, – отозвался Малыш Джонни. – У вас, у янки, мозгов не больше, чем...

– Джонни, – оборвал его Каменная Стена. – Вы, капитан, намерены рассказать нам ту же сказку?

– Это был человек, – ответил Эймс. – Но он был один. И очень большой.

– И он убил девятих ваших?

Поднятая бровь генерала свидетельствовала, что это вопрос, а не повторение известного факта.

– Да, сэр.

– И где же они? Где тела?

– Он их утащил, – ответил Эймс, опустив взгляд в землю.

– Куда?

Капитан поднял голову. Деревья вновь окутала тьма – масло почти прогорело. Эймс молча указал вверх.

– Не мог это быть один человек, – заговорил Кодил. – Сдается мне, нам тут...

Сверху раздался дробный стук – будто дятел долбил ствол дерева в гуще ветвей. Эймс и его люди вздрогнули. Очевидно, они уже слышали этот звук, и он не предвещал ничего хорошего.

– Это он?

Эймс кивнул.

– Нужно идти, – сказал он.

– Идти вам теперь только в тюрьму Конфедерации, – заметил Гусь.

Немногие ужасы на Земле могли бы сравниться с отвратительными условиями содержания военнопленных на Юге. В тюрьмах свирепствовал голод. Единственным, что поддерживало в людях жизнь, было людоедство. И этого трое пленных не могли не знать: на Севере дело

обстояло не лучше. Однако Эймсу и его людям просто не терпелось отправиться навстречу такой судьбе.

Еще один дятел застучал клювом, прямо над головами. На этот раз люди генерала, как один, встрепенулись и направили стволы винтовок вверх.

– Ни хрена не вижу, – сказал Нитка.

– Нету там ниче, – добавил Кодил, не опуская, однако ж, оружия.

Гусь принялся затаптывать последние язычки пламени на земле.

– Перестаньте, – сказал Эймс. – Бесполезно. Только нас всех лишите возможности видеть.

Но Гусь продолжал свое дело.

– Враг не может стрелять по тому, чего не видит.

– Он... – Эймс покачал головой. – Он отлично видит и в темноте.

– По-моему, это не очень похоже на человека, – заметил генерал, держа одну руку на кобуре, а другую на рукояти сабли в ножнах. – Гусь, зажги другой фонарь.

– Вы нас заберете? – спросил один из солдат Союза.

Его голос был полон надежды. Но генерал покачал головой.

– После. Вначале нам нужно закончить разведку.

– Мы скажем все, что вы хотите знать, – сказал второй солдат.

– А как нам понять, что вы не врете? – возразил Гусь.

Все трое съезжились, будто восковые фигурки на жарком солнце.

– Ай, беда, – сказал Джек Босяк. – Может, попросим мамочку Малыша Джонни подтереть им зады и отвести в...

Из темного леса, над самой землей, раздался хруст веток и листьев. Стволы винтовок повернулись на шум. Слаженность действий людей из разведгруппы была выше всяких похвал, но Каменная Стена чувствовал их страх. Черт возьми, ему и самому было жутко, но пока он не выяснит, какие опасности могут ждать здесь его армию, из этого леса не уйдет никто.

– Покажись! – крикнул Гусь, подняв винтовку и оглянувшись на генерала. Генерал кивнул. – Я вижу, ты оказал нам услугу. Теперь покажись, и разойдемся друзьями. А если заставишь меня ждать... Считаю до пяти, а дальше – известно что.

Кодил, Джонни и Джек Босяк встали в ряд с Гусем, будто расстрельная команда. Нитка остался за спинами пленников – несомненно, в надежде, что те попытаются сбежать.

Каменная Стена про себя начал обратный отсчет. Когда он дошел до нуля, Гусь исполнил свое обещание, выстрелив на звук. Остальные тоже открыли огонь. Они стреляли, заряжали, стреляли вновь и вновь, палили по деревьям и кустам, но крика боли так и не дождались.

– Стоп, – сказал Гусь, опустив винтовку. – Джонни, поди-ка посмотри.

Малыш Джонни был как всегда на высоте: он скользнул в заросли и беззвучно исчез среди деревьев. Вскоре он вернется с вестью об успехе или неудаче.

Каменная Стена вздрогнул: что-то толкнуло его ногу сзади. Опустив взгляд, он увидел Эймса, отползавшего назад с выражением предельного ужаса на лице.

– Нитка, – начал генерал, собираясь отчитать разведчика, но, обернувшись, увидел, что тот наклонился и повис на одном из северян. Из груди Нитки торчало нечто вроде гарпуна. Пробив насквозь и тело Нитки, и голову северянина, оружие глубоко воткнулось в землю. Истекая кровью, Нитка с мольбой взглянул в глаза генерала.

– Гусь!

Выхватив револьвер, Каменная Стена выстрелил Нитке в лоб.

Стоило людям генерала обернуться и увидеть весь этот кошмар, гарпун дернулся назад, притягивая голову мертвого солдата Союза к груди Нитки.

Гусь направил винтовку на убитых.

– Адские муки, что здесь...

– Там леска сзади, – сказал Кодил. – Кто-то рыбку удит.

Будто в подтверждение его слов, оба тела рвануло вперед и вверх, в кроны деревьев. Туда, где плясали тени. Туда, где кто-то продолжал охоту, начатую с людей Эймса.

4

– Вот черт! – воскликнул Джек Босяк, увидев, как насаженные на гарпун тела взмыли вверх и исчезли в ночи. Он поднял ружье в поисках цели, но не смог разглядеть ничего. Кто бы ни убил их и ни забрал тела, его было не видно – только слышно, как он трещит ветками, уходя прочь. – Что ж за человек в силах так запросто втащить на дерево двоих здоровых парней?

– А я что говорил! – дрожащим от страха голосом выкрикнул безымянный солдат Союза. – Противник наш – диавол! Ходит за нами, аки лев рыкающий, ища, кого поглотить! И пожирает наши души!

С этими словами он вскочил и бросился наутек. Никто и не подумал остановить его, и генерал не возражал. Всеми нужными сведениями располагал Эймс, а сбежавший определенно был трусом. Что проку от такого в грядущем – несомненно, грядущем – бою?

Но вдруг бежавший взвизгнул от боли, захлебнулся собственным визгом, забулькал. Все взгляды устремились к нему. Беглец отпрянул назад и зашатался, обеими руками зажимая горло. Из-под его пальцев потекла кровь.

Джек Босяк с Кодилом подняли оружие и открыли бы огонь, не вскинь генерал руку.

– Не стрелять!

Миг – и на поляну выступил Малыш Джонни. Он вытер саблю о рукав истекавшего кровью солдата, тот разжал руки, осел на колени и рухнул ничком. Заметив выражение лиц товарищей, Джонни насторожился.

– Что тут было? Где Нитка?

– Там, – ответил Кодил, указав подбородком вверх. – На деревьях.

– Какие будут приказы, генерал? – спросил Гусь, изо всех сил стараясь скрыть страх.

Причина для такого вопроса могла быть только одна: старый приказ – а именно разведать лагерь противника – представлялся Гусю чистым безумием. Учитывая внезапную гибель Нитки и его странное исчезновение, генерал не мог не согласиться с Эймсом. На них кто-то охотился – но не дьявол. Человек. А любого человека можно убить.

Каменная Стена указал на Эймса.

– Дайте ему оружие.

Несмотря на изумление, Гусь подчинился и вернул капитану его пояс с саблей и револьвером в кобуре.

– Бейтесь вместе с нами, – сказал генерал. – Даю слово: если останетесь в живых, после утреннего сражения вас вернут к своим и не причинят вреда.

Эймс застегнул пояс, принял винтовку и кивнул.

– Я с вами.

– На самом деле, – ответил генерал, – это мы с вами. Ведите.

Глаза Эймса округлились.

– К л-лагерю Союза?

– Да, ради этого мы и пришли, и ради этого один из моих людей отдал жизнь. Я должен довести дело до конца. Любой ценой.

– Даже ценой собственной жизни? – спросил Эймс.

– Рано или поздно эта война погубит меня, и будь я проклят, если умру, убегая от схватки.

При этих словах в животе генерала что-то болезненно сжалось. Он не хотел умирать. Он должен был жить – ради жены и новорожденной дочери. Их он любил больше, чем мог бы позволить себе любой человек на войне, не сорвавшись в самоволку. Но Каменная Стена не был трусом, и, если он погибнет, сражаясь с врагом, по крайней мере, жена и дочь смогут им гордиться. Он указал на север.

– Ну что ж... ведите.

Кодил пошел с Эймсом впереди, держа факел, ярко сиявший в ночи: раз темнота не мешает этим людям атаковать, что толку идти на них вслепую? Гусь шагал рядом с генералом, а Джонни и Джек Босяк прикрывали тылы.

Минут десять шли молча. Вдруг Кодил схватил Эймса за плечо и резко остановился.

– Пахнет чем-то, – он поднял голову и принюхался. – Мертвечиной.

– Вы проходили здесь? – спросил Гусь. – Здесь погибли ваши люди?

Эймс покачал головой.

– Продолжаем движение, – сказал генерал. – Не торопясь.

Кодил прокрался еще футов на двадцать вперед. За ним, в нескольких шагах позади, двинулся Эймс. Тут Кодил вновь остановился.

– Тело впереди и сверху.

Разведчики сомкнули ряды и двинулись дальше. В пляшущем свете факела трудно было разглядеть все подробности, но они становились отчетливее с каждым шагом. С веток вниз головой свисали два трупа, лишенных одежды... и кожи. Головы их были оторваны, а позвончики вырваны из тела. Капли крови из жутких ран падали вниз, ритмично стуча по земле.

– Бо-ог ты мой, – протянул Джек Босяк.

– Это Нитка? – спросил Джонни, показав дулом винтовки на рану, зиявшую в груди мертвеца как раз в том месте, где тело Нитки пронзил гарпун.

– Похоже на то, – кивнул Джек Босяк.

Каменная Стена знал, о чем задумались остальные: точно такие же вопросы возникли и у него. Как можно было так быстро оторвать головы и выдернуть позвончики? Кто на свете способен за десять минут раздеть и освежевать двоих мужчин и подвесить тела прямо на пути отряда? Это казалось невозможным.

Непосильным для человека.

Вернувшийся дятел вновь принялся дразнить их стуком из гущи ветвей. Листья над головой затрепетали.

– Молоко моей мамочки, – послышалось с другой стороны.

Вновь шорох листьев. Солдаты повели стволами винтовок на звук в ожидании появления цели.

«Он играет с нами», – подумал генерал, взглянув на Эймса. В ответ тот поднял глаза на генерала, будто говоря: «Зря вы меня не послушали».

С этим трудно было не согласиться.

Внезапный треск – будто треск хвороста в костре. Что-то свистнуло в воздухе совсем рядом с генералом, пронеслось мимо, угодило в Джека Босяка и вздернуло его кверху, притянув к телу Нитки. Джек Босяк пронзительно вскрикнул. Перекрестья тончайших нитей впились в его щеку так, что из ран брызнула кровь. Его одежда опала на землю маленькими, аккуратно нарезанными квадратиками, обнажив точно такую же кровавую паутину по всему телу. Он попался в сеть, и сеть затягивалась, прижимая его к мертвому Нитке.

Крик Джека Босяка перешел в дикий визг, и тогда Каменная Стена снова выхватил револьвер и пустил ему пулю в голову.

– Мне надоело стрелять в своих! – крикнул он. – Выйди и покажись, как подобает мужчине! Я хочу видеть, кто убьет меня, прежде чем умру!

Умирать генерал не собирался, но как драться с тем, кого не видишь? Оставалось только надеяться, что подначка сделает свое дело.

Подначка осталась без ответа, но Малыш Джонни прошептал:

– Вижу его. По крайней мере глаза. Следит за нами.

Он поднял ружье, прицелился, резко развернулся влево и нажал на спуск. За грохотом выстрела последовал яростный рев. Звук этого рева заставил генерала вновь усомниться в

своем решении. Рев (как и проявления невиданной силы, что видели разведчики этой ночью) даже отдаленно не был похож на человеческий.

5

– Есть! Достал поганца! – заорал Джонни.

Ветки над их головами затряслись. Вздрыгнув, Джонни поднял руку и провел пальцами по щеке. Мокрые пальцы засветились зеленым, будто он размазал по коже светляка.

– Что за...

Замешательство, да и саму жизнь Джонни, прервал вращающийся металлический диск, со свистом вылетевший из темноты и унесшийся прочь. Джонни разом умолк, замер и рухнул на колени. От удара его голова отделилась от тела. Из раны брызнула кровь. Голова, как по маслу соскользнув с шеи, глухо стукнулась оземь одновременно с телом.

Кодил, нимало не смущенный кровавым зрелищем, склонился к застывшему в недоумении мертвому лицу и даже не дрогнул при виде моргнувших глаз Малыша. Он мазнул пальцем по зеленой кляксе на щеке Джонни. Понюхал. Лизнул.

– Кровь.

Каменная Стена медленно вытащил револьвер. Он потерял троих меньше чем за двадцать минут. Правда, Малышу Джонни удалось ранить противника, но светящаяся зеленая кровь подтверждала то, в чем были уверены люди Эймса, и чего начинал опасаться сам генерал: за ними охотился не человек, и даже не группа людей. За генералом Джексоном Каменной Стеной явился сам дьявол.

– Господи Иисусе, – громко сказал он, начиная молитву, как всегда делал перед сражением, – не оставь нас перед лицом грядущих испытаний. Дай нам силу Самсона и мудрость Соломона. Выведи нас из этого леса и сохрани нам жизнь. Да будет...

Генерал замолчал. Все молитвы он заканчивал одинаково: «да будет на все воля твоя». Но божья воля – штука каверзная. Она может преследовать великое благо, совершенно недоступное пониманию смертных, но не всегда идет рука об руку с человеческими желаниями – даже желаниями добрых христиан. Поэтому генерал закончил так:

– Прошу, не попусти, чтоб дьявол убил меня. Аминь.

Закончив молитву, генерал увидел, что взгляды соратников устремлены на него, и услышал шепот Гуся. «Томас». Его настоящее имя... Других слов не требовалось. Пора было идти. Гусю требовалось только узнать направление.

Генерал повернулся к Эймсу:

– Войска Союза ближе наших?

– На несколько миль, – кивнул Эймс.

– Даете ли вы слово, что на заре нас вернут в лагерь Конфедерации, не причинив вреда?

Снова кивок.

– Ручаюсь своей жизнью.

– Ведите. Чем быстрее, тем лучше.

И они побежали сквозь ночь, ведомые лишь чувством направления Эймса да светом единственного факела. Уже через десять минут легкие генерала запросили пощады, но он ни на секунду не верил, что чудовище прекратило охоту – особенно после того как его ранили.

Наконец Эймс остановился и уперся руками в колени, пытаясь отдышаться. Его грудь тяжело вздымалась. Прежде чем генерал успел вколотить в него хоть толику здравого смысла и заставить продолжить бег, охотник позади взвыл от боли, будто человек, из тела которого извлекают пулю. Похоже, с раной он управился быстро и, несомненно, вот-вот пустится в погоню. Что ж, его вой хотя бы подхлестнул Эймса: капитан вновь побежал вперед.

Прошло еще десять минут. Теперь люди бежали значительно медленнее, но не останавливались. Это внушало надежду. Впереди, в зарослях, забрезжил тусклый свет. Поле. Должно быть, войска Союза уже недалеко.

Похоже, Кодилу пришло в голову то же самое.

– Почти пришли! – сказал он, ускоряя шаг.

Промчавшись шагов пять, он вдруг остановился, будто с разбегу налетев на стену... но впереди не было никакой стены.

Тонкие ломаные линии, будто молнии, побежали в стороны от места удара, засновали вверх и вниз, очерчивая в воздухе нечеловечески огромную фигуру.

Кодил упал на спину, перевернулся через голову, приземлился на корточки и взглянул снизу вверх на объявившегося впереди врага.

– Ишь, кодилище, – сказал он, вытаскивая из-за голенища сапога длинный нож. – Прямо как я.

Бесстрашный охотник на крокодилов рванулся вперед. Лезвие ножа со свистом рассекло воздух, описав широкую дугу. Одновременно с этим дьявол протянул руку и сжал лицо Кодила в ладони, но тот ухитрился завершить удар, полоснув противника поперек туловища. Лезвие вошло недостаточно глубоко, чтобы выпустить чудовищу кишки, но светящаяся зеленая кровь хлынула из раны ручьем.

Заметила ли жуткая тварь эту рану, Каменная Стена понять не смог. Большая часть тела, покрытого чешуйчатой змеиной кожей, была обнажена, однако на чудище имелся какой-то странный доспех – в том числе и зловещего вида шлем. Во всяком случае, Каменная Стена надеялся, что это именно шлем. За всю жизнь он не видел и даже представить не смог бы ничего ужаснее, но еще не утратил надежды. Эту тварь можно было ранить, а раз так, то – как от души надеялся генерал – можно было и убить.

С криком, заглушенным большой когтистой лапой, сдавившей его голову, Кодил выдернул нож, чтобы всадить его в брюхо твари, но та не оставила ему ни шанса. Одним поворотом руки развернув голову Кодила на 180 градусов, чудовище сломало ему шею.

Одновременно с хрустом сломанных позвонков загремели выстрелы Гуся – из винтовки, а после и из револьвера. Каждый выстрел бил точно в голову. Будь на прицеле человек, от головы не осталось бы ничего. Но это существо было кем угодно, только не человеком, и пули отскакивали от серебристого шлема, оставляя в нем лишь небольшие вмятины.

Последний патрон Гусь решил приберечь:

– Все равно что стрелять по железной плите.

Светящиеся в темноте глаза чудовища устали на Гуся. Казалось, стрельба только раздражает его. От громкой, частой дробы дятла все волосы на теле генерала поднялись дыбом – все прочие части тела лишились способности двигаться. Плечо жуткого создания ожило, шевельнулось, и над ним, шелкнув, поднялась странная третья конечность наподобие обрубка руки. Три алых луча, вырвавшихся из шлема чудовища, пронзили ночную тьму, и на груди Гуся загорелись три алых пятнышка.

Направив ствол револьвера в живот врага, Гусь нажал на спуск. В тот же миг над плечом чудовища вспыхнул сноп ослепительно-голубого света.

Каменная Стена вздрогнул и зажмурился. В лицо дохнуло жаром. Вновь открыв глаза, он увидел обгорелое тело Гуся, отброшенное к дереву. Жуткая тварь замерла, глядя на светящуюся оранжевую трещину, оставленную последней пулей Гуся на ее запястье.

– Сэр, – простонал Гусь, протягивая руку к генералу. Вся его одежда спереди превратилась в пепел, покрасневшая, растрескавшаяся кожа дымилась, как у жареного поросенка. – Дайте... револьвер. И идите.

Каменной Стене не хотелось уходить, бросив его. Он предпочел бы вначале избавить Гуся от мук, как Нитку и Джека Босяка. Но Гусь мог сберечь генералу несколько драгоценных секунд. Шорох листьев заставил генерала оглянуться. Эймс со всех ног мчался к опушке. Трус или просто умен? Впрочем, сейчас это не имело значения: единственным разумным выходом

было бежать. Генерал отдал Гусю револьвер, и Гусь сморщился от боли, сомкнув кровоточащие пальцы на рукояти.

– Идите, – сказал он, скрипнув зубами. – Возвращайтесь... к семье.

Его последние слова придали Каменной Стене прыти. Ничего не ответив, генерал кинулся бежать вслед за Эймсом, ориентируясь на слабый оранжевый свет факела капитана и надеясь, что тот знает, куда бежит. Лес впереди сделался реже.

За спиной грохнул выстрел.

За ним – еще три.

«Два патрона, – подумал генерал. – У него осталось еще два патрона».

Но сзади раздался только душераздирающий вопль. Казалось, он заглушил бы даже выстрелы. Каменная Стена замер на опушке, разрываясь между стремлением выжить и верностью человеку, оставшемуся прикрывать его бегство.

Но тут из темного леса раздался рев дьявола. Каменная Стена рванулся вперед и выбежал на открытое место – на то самое поле шириной в несколько миль, где его армия будет сражаться, убивать и умирать уже наутро, и где ему, очевидно, предстояло то же самое еще до восхода солнца.

6

Выдохшийся и перепуганный сильнее, чем он когда-либо согласился бы признать за собой, Каменная Стена остановился посреди поля. Ночной ветерок шелестел в сухой, пожелтевшей траве под ногами. В небе сияли звезды. Будь рядом Мэри и Джулия, он подумал бы о том, как прекрасен сотворенный Господом мир. Но сейчас он не мог думать ни о чем, кроме дьявола, выпущенного на свободу, чтобы мучить его – как библейского Иова, только более прямолинейно.

Генерал стоял рядом с единственным следом присутствия Эймса, обнаружившимся после его бегства из леса. Его факел стоял посреди поля, будто маяк. Генерал вышел прямо на огонь в надежде, что Эймс отдыхает или сидит рядом в засаде, но Эймса не было. Был только факел в тридцатифутовом круге оранжевого света.

Каменная Стена раскрыл было рот, чтобы высказать все, что думает об Эймсе, но тут сзади раздался шорох. Кто-то двигался или что-то двигалось в траве. Генерал медленно повернулся. Он точно знал, кто мог последовать за ним в поле.

Дьявол выступил из темноты, безбоязненно выпрямившись во весь рост. Светящаяся зеленая кровь сочилась из его рассеченного брюха и двух новых стреляных ран – в бедре и в плече. Казалось, все эти раны не причиняют ему никаких неудобств, хотя для солдата на поле боя любая их них была бы смертельной: раненый умер бы от потери крови или, что более вероятно, от заражения. Вот только чудищу ни то ни другое, похоже, не угрожало...

Генерал вынул второй револьвер.

– Кто ты такой?

Что-то тихо зажужжало, и на шлеме чудовища вспыхнули три алых пятнышка. Оружие над его плечом нацелилось на генерала.

Перестрелка с этой тварью могла привести только к одному. Гусь стрелял точнее и быстрее, чем генерал, но убить врага не сумел. Стоит нажать на спуск, и генерала ждет та же судьба...

Каменная Стена поднял револьвер и медленно разжал пальцы. Оружие упало на землю.

Существо слегка расслабилось и склонило голову набок. Алые огоньки погасли. Что-то протрещав, чудовище расстегнуло доспех, стряхнуло оружие с плеча и коснулось шлема. Шлем отстегнулся, с шипением выпустив в воздух струйку пара.

Дьявол снял шлем. Каменная Стена сделал шаг назад, а разглядев скрывавшееся под шлемом лицо, отступил еще на четыре шага и остановился, лишь почувствовав жар факела за спиной.

– Люцифер, – сказал Каменная Стена, обнажая саблю. – Люцифер во плоти...

Оранжевые отсветы пламени заиграли на длинном полированном клинке. Собравшись с духом, Каменная Стена закричал:

– Именем господа нашего Иисуса Христа, повелеваю...

Существо наклонилось вперед, раскинуло в стороны мускулистые руки и заревело. Волна его зловонного дыхания показалась Каменной Стене еще более горячей и влажной, чем душный воздух раннего лета.

Лязгнул металл, и из правого предплечья враждебного создания выдвинулись вперед два зазубренных лезвия. Лево́й рукой оно извлекло из-за спины бритвенно-острый диск с пятью отверстиями для пальцев. Каменная Стена тут же узнал в нем оружие, обезглавившее Малыша Джонни, – диск все еще был покрыт тонкой коркой запекшейся крови.

Чудовище пригнулось, изготовилось к атаке и двинулось вбок. Генерал тоже медленно двинулся по кругу, держась к противнику лицом. Его сабля была длиннее вражеских лезвий, но длина рук чудовища сводила это преимущество на нет. Одолеть его силой нечего было и

думать. Вот разве что перехитрить... Пожалуй, надежду давало одно: дожидаться атаки и увернуться от удара, заставив врага раскрыться. Такая тактика гарантировала победу над силами Союза в надвигающейся битве, но работает ли она против подобного хищника?

Несколько мгновений спустя существо вновь выпрямилось, шевельнуло устрашающими жвалами и смерило Каменную Стену взглядом.

«Похоже, он решил, что недооценил меня, – подумал генерал. – Понял, что я пытаюсь взять его хитростью».

Запястье дьявола резко дернулось, и металлический диск стремительно понесся в темноту. Но тихое жужжание означало, что он не улетел далеко. Судя по звуку, диск описал в воздухе круг. Внезапно жужжание сделалось громче, и генерал, вскрикнув, припал к земле. Лезвие пронеслось над его головой.

«Он как-то управляет этим оружием, – догадался генерал. – Пока я не дерусь, я беззащитен. Он хочет, чтобы я напал».

Так он и сделал.

Подавив желание испустить боевой клич, Каменная Стена сделал выпад в надежде вонзить острие сабли в грудь дьявола, но тот отвел клинок голой рукой.

Каменная Стена взмахнул саблей, вложив в удар все свое отчаяние и злость. Клинок высек искры из защищенного браслетом запястья врага. Генерал ударил еще раз – ниже, целя в бедренную артерию, хоть и понятия не имел, может ли это создание истечь кровью. Металл на полдюйма вошел в толстую шкуру, оставив на ней двухдюймовый порез.

Вдохновленный этой небольшой победой, Каменная Стена занес саблю над головой и ударил вновь, целя дьяволу в плечо, но клинок вдруг встряхнуло так, что генерал едва не выронил оружие. Приняв удар на скрещенные лезвия, торчавшие из запястий, демон резко повернул кисти. Клинок сабли с хрустом разлетелся на три части, а рукоять вырвалась из руки генерала.

Пятясь от хищника, Каменная Стена внезапно наступил на что-то твердое, поскользнулся и с маху сел на землю.

Опустив взгляд, он увидел под ногами свой револьвер. Генерал подхватил оружие и начал медленно отползать назад – прочь от факела и чудовища, освещенного его адским оранжевым пламенем.

Вдруг над полем раздался голос – тихий, но узнаваемый. Голос принадлежал Эймсу, а смысл его слов был ясен, как небо над головой:

– Картечной гранатой!..

Каменная Стена вытаращил глаза. Картечная граната была начинена металлическими шариками размером с крупную виноградину. Выстрел такой гранатой из пушки мог нанести сокрушительный урон наступающей пехоте или кавалерии. Осененный внезапным озарением, Каменная Стена понял назначение оставленного посреди поля факела. Глухой темной ночью факел служил мишенью, действовал так же, как тот дьявольский треугольник из алых пятнышек!

Продолжая отступать, Каменная Стена сменил направление, заманивая жуткую тварь в освещенный факелом круг. Тень демона упала на него, и генерал замер. Но тварь пристально взглянула на генерала, оглянулась на факел у себя за спиной и остановилась.

«Догадался, – подумал Каменная Стена. – Сейчас уйдет».

Он вскинул револьвер и выстрелил. Пуля ударила существо в бок, заставив его вновь обратить внимание на генерала. Каменная Стена прицелился выше, но справа раздалось знакомое жужжание летящего диска. Едва он успел откинуться на спину, как диск рассек воздух в том самом месте, где только что была его голова. Каменная Стена вскинул револьвер, но грохот, сотрясший ночь, оказался куда громче, чем треск револьверного выстрела.

Фонтан мерцающих зеленых брызг окатил Каменную Стену с головы до пят.

Генерал протер глаза. Дьявол стоял прямо над ним. Картечь растерзала его тело и развалила голову напополам. Каменная Стена откатился вбок, едва успев увернуться от падающего тела.

Поднявшись на ноги, он услышал:

– Вам нужно уходить!

Это был Эймс – сидевший верхом и державший жестяной бачок в руках. Спешившись, молодой капитан передал Каменной Стене поводья.

– Я дал слово и намерен сдержать его. Езжайте!

– Обо всем этом никто не должен знать, – сказал генерал. – Никто не пойдет в бой, услышав, что здесь поселился дьявол.

– Я позабочусь об этом, – ответил Эймс, поливая тело поверженного врага какой-то жидкостью.

Узнав запах керосина и услышав приближающийся топот и голоса людей, Каменная Стена вскочил в седло.

– Если мы встретимся на поле боя, я колебаться не стану.

Эймс улыбнулся, выдергивая факел из земли.

– Тогда постараюсь вам не попадаться.

Едва тело дьявола превратилось в пылающий ад, генерал дал шенкеля и погнал коня в ночь, прямо сквозь лес, где погибли его люди. Он мчался вперед, спиной чувствуя когти дьявола, тянущиеся к нему из темноты. Он не придержал коня ни по другую сторону леса, ни в виду лагеря конфедератов, ни даже услышав оклик, приказывающий остановиться...

Остановила его только пуля – пуля, выпущенная своими.

Лежа в траве, Каменная Стена смотрел в небо, думал о жене и дочери, вслушивался в голоса людей, кричавших что-то о светящемся зеленом человеке, и провожал взглядом странный огонек, взвившийся над лесом и скрывшийся среди звезд...

Томас Джонатан Джексон по прозвищу Каменная Стена скончался 10 мая 1863 года от инфекции, занесенной в рану пулей, выпущенной в него его же собственными людьми, когда он возвращался из ночной разведки. Точная причина стрельбы так и осталась загадкой.

Стив Перри. Реванш

Что-то не так.

После несчастья, случившегося на Аляске девять лет тому назад, это чувство почти не тревожило – так, кольнет порой... И вот оно вернулось – сильное, как никогда.

«Что-то не так! Опасность! Смерть!»

Слоун не замедлил шага. Он продолжал идти, огибая большой дуб, от которого начиналась ведущая в лес старая оленья тропа. Над головой щебетали птицы, но он не слышал ничего, кроме собственного дыхания да мягких шагов.

В лесу, совсем неподалеку, был кто-то еще.

Кто? Байкеры, устроившие метамфетаминовую лабораторию в старом трейлере у пруда, глубже в лес?

Нет, вряд ли. Эти клоуны ломаются по лесу, как стадо носорогов, их за милю услышишь. Опасное, конечно, дурачье, но – нет, не они.

Орегон – не Аляска. Летнее утро выдалось хмурым, но теплым, однако Слоун никак не мог разогреть одеревеневшие за ночь мышцы и связки. Да, теперь на это уходило минут двадцать, а то и полчаса. Эх, молодость... В расцвете сил он ходил по вьетнамским джунглям с полным рюкзаком на спине. Плюс два боекомплекта, винтовка, прицел – общим счетом пятьдесят, а то и шестьдесят фунтов всякого дерьма. Разбуди среди ночи – вскочит, пройдет десять миль, не моргнув и глазом, выйдет на позицию и с пяти сотен метров продырявит «чарли» одним выстрелом. Да, в деле он был хорош. Но те времена давно позади. Очередной день рождения с крупной цифрой впереди и нулем за ней – глядь, а хватка уже не та...

И вот теперь за ним кто-то следил – в этом Слоун не сомневался. Однако давать им понять, что слежка замечена, было ни к чему.

Тропинка пошла под уклон, запетляла сквозь заросли ольхи и ели. Комарье по утрам почти не докучало, и Слоун, как правило, проходил свои пять миль и возвращался домой, прежде чем проснется Мэри.

Но не сегодня. Сейчас прогулку следовало прервать и направляться к дому – можно сказать, на базу. Все необходимые ресурсы – там.

Слоун давным-давно не чувствовал надобности носить при себе оружие. В кармане джинсов имелся маленький складной *Zero Tolerance*⁵, но трехдюймовый клинок – это несерьезно. Вот на Аляске, на посту федерального лесничего в Денали, он таскал за спиной ружья, способные одним выстрелом остановить на бегу бурого медведя размером с пикап. Там без ружья было никуда, но здесь...

В этих местах на глаза попадались лишь кролики да белки. И никаких медведей – даже маленьких, черных, которых можно отогнать взмахом шляпы.

В лесу Слоун был как дома, и легко заметил бы обычных преследователей. Этих он не замечал – даже зная, что они рядом. И прекрасно понимал отчего.

«Плохо дело».

Они вернулись. Они – те самые инопланетные убийцы, что охотились за ним с Мэри девять лет назад, на Аляске. Те, о которых правительство предпочло не распространяться, хотя они и прикончили куда больше пары человек.

Зачем они могли явиться сюда? За ним, не иначе. Таких случайных совпадений на свете не бывает. Он убил кое-кого из них, и теперь, годы спустя, его выследили, чтобы отомстить. Никаких внятных доводов в пользу этой догадки не имелось, однако Слоун не усомнился в ней ни на миг.

⁵ Популярный бренд многоцелевых ножей производства американской фирмы Kershaw Knives.

Слоун ждал выстрела в спину. Еще шаг – и сгусток энергии, которыми стреляли те, когда-то убитые им хищники, ударит в тело, прожжет сквозную дыру размером с кулак, и он умрет, даже не успев упасть...

Свернув на прямую тропу, Слоун направился к дому. Выстрела не последовало.

Почему?

Стоило выйти из леса и подойти к дому, тревога улеглась. Ощущение слежки ослабло и вскоре сошло на нет.

Почему они не стреляли?

Мэри уже встала. Одета в старую ночную рубашку из синей фланели, она жарила яичницу на почерневшей от времени сковородке и выглядела в свои пятьдесят пять просто великолепно. Пожалуй, Мэри – лучшее, что было в его жизни, несмотря на обстоятельства их знакомства. Ее погибший брат, убитые медведи, эти твари...

Пройдя через кухню, Слоун направился прямо в чулан, к оружейному сейфу. Покрутив диск, он набрал код, открыл тяжелую дверцу, вынул из сейфа «мегабист» – однозарядный, с клиновым затвором, под патрон калибра 610 GNR, изготовленный на заказ на базе «ругера» № 1 – и зарядил его.

Всего один заряд, но этот заряд способен остановить мчащегося на стрелка слона. Или пробить дыру в кирпичной стене.

– Милый, что стряслось? – спросила Мэри с кухни.

Слоун вынул из сейфа «магнум» и зарядил и его – пятью патронами калибра 500 Мах. Теперь ему стало куда уютнее. Теперь он и сдачи мог дать.

В чулан заглянула Мэри.

– Слоун, что?..

– Они вернулись, – ответил он.

– Вот дерьмо! – ахнула Мэри.

Уточнять, кто эти «они», было ни к чему.

Наканде что-то рассеянно прострекотал вполголоса.

<Что?> – переспросила Вагути.

<Вот это – тот самый Снайпер? Стар, движется медленно. Даже не вооружен. Вдвоем? С ним справился бы и ребенок>.

<Внешность может быть обманчива. Ты знаешь, что он сделал с нашими охотниками. Поэтому мы и вдвоем>.

Наканде кивнул. Да-да. Эту историю прекрасно знали и часто рассказывали. Тот самый ууман⁶, охотник на Охотников. Когда все это случилось, кое-кто успел передать на борт корабля фрагменты записей – достаточно, чтобы понять, что произошло. Но – только посмотрите на него! Еле плетется... Ничтожная победа, ничего не стоящий трофей. Весь долгий межзвездный перелет – ради этого?!

<Я бы немного размялась>, – сказала Вагути.

Наканде вопросительно взглянул на нее.

<Дом на колесах, окруженный жуткой вонью. Все они молоды и вооружены>.

Наканде снова кивнул.

<Да, размяться не помешает>.

– Что будем делать? Полицию вызывать?

Слоун покачал головой.

⁶ Искажённое Хищниками английское human (человек).

– И что мы им скажем? Что к нам опять явились инопланетные твари, с виду – вылитый Чудо-Кабан из комиксов, убившие кучу медведей и людей на Аляске девять лет назад? Да нас в психушку упекут. Если, конечно, успеют.

– Но феда же знает о них.

– Да, вот только какое ведомство? И сколько им понадобится времени, чтобы доставить сюда спецгруппу? Думаю, столько ждать мы не можем.

Мэри влезла в джинсы, зашнуровала ботинки, сунула руки в рукава плотной фланелевой рубахи.

– Бежим, – сказал Слоун. – Бросаем вещи в машину и уезжаем – подальше да поскорей.

– Но как им удалось найти нас?

Слоун вновь покачал головой.

– Не знаю. У них вон – и звездолеты, и технологии будущего. Неважно как, но они нас выследили.

– Думаешь, явились убивать?

– Да. Не понимаю, отчего они вообще выпустили меня из леса.

– Ты был безоружен. Им так неинтересно.

Слоун удивленно взглянул на жену. Ну да, конечно. Хищники расправлялись с огромными бурыми медведями при помощи одних только лезвий. Какому же охотнику доставит удовольствие стрельба по незащитной жертве? Им нужна дичь, которая может ответить ударом на удар, а он наглядно показал им, на что способен.

– Окей, делаем так. Хватаем тревожные чемоданы и едем в Портленд. Там я тебя высажу, ты снимешь номер в гостинице, а я...

– Нет, – возразила Мэри. – Ты не пойдешь отвлекать их на себя. Вместе мы жили, вместе, если что, и умрем.

– Мэри...

– Слоун, это не обсуждается.

Слоун усмехнулся. Ну что ж... Он никогда не сомневался, что жена у него – лучше некуда. Одно непонятно: за что ему такое счастье?

– Если уж им пришлось искать нас целых девять лет, – продолжала она, – может, теперь, когда мы знаем, что нас ищут, сумеем сбросить их с хвоста на более долгое время. Новые имена, новый город...

– Логично, – согласился Слоун.

Но, подойдя к пикапу, они обнаружили, что все колеса спущены – мало этого, изрезаны в ключья. Уезжать было не на чем.

– Вот дерьмо... – вздохнул Слоун.

Выходя наружу, Харви врезался плечом в косяк двери этого поганого трейлера. Опять.

– Твою мать, – беззлобно ругнулся он. Это случалось с ним постоянно: дверь-то для узкозадых, а в нем, как-никак, шесть футов шесть дюймов и двести семьдесят пять фунтов весу.

Он почесал голую грудь: новая татуха – «88» – ощутимо зудела. Должно быть, гад-кольщик взял грязную иглу: две недели татухе, а все зудит. Надо в следующий раз скидку с него стясти.

Подойдя к большой оregonской сосне, он расстегнул заскорузлые от грязи джинсы и принялся поливать ствол. Проклятый толчок в трейлере опять засорился. Чистить его полагалось Мартину, но Мартин слишком любил собственное варево и большую часть времени валялся в отключке.

– Мне нужен новый вентиль, – раздалось сзади. – Сральник починить.

Ну вот, помяни черта...

– Я тебе кто – мамаша? – буркнул Харви. – Пойди да раздобудь.

– Деньги, чувак. У меня ни гроша.

– В ящике возле раковины, где всегда, мать твою! Там должна быть целая куча.

– А, да, точно.

Харви покачал головой, спрятал хозяйство в штаны и застегнул ширинку.

Мартин был тощ, как смерть, но постоянно качался. Любил потягать железо – привык за время отсидки, и был довольно силен, вот только мозги у него совсем превратились в кашу...

– Чир-р-р.

– Что это было? Как будто белка, мать ее, только с медведя ростом!

Оглядевшись, Харви вытащил из заднего кармана всегда готовый к делу пистолет сорок пятого калибра и щелкнул предохранителем.

– Нет, не белка, – сказал он. – У нас гости.

Мартин нырнул в трейлер и тут же выскочил наружу с помповым «сэвиджем» двенадцатого калибра.

– Эй, Бо! – крикнул он. – Вставай!

– Чего там? – спросил Бо изнутри.

– К нам гости!

Мартин сошел со ступенек, направив «сэвидж» вперед. Секунду спустя из трейлера появился и Бо – в чем мать родила, волосатый, как йети, с «узи» в руках.

– Кто? Копы?

– Не думаю, – ответил Харви. – Эти нас бы уже скрутили. Должно быть, конкуренты явились – поживиться на халяву.

– Вот я им сейчас дробь-то на халяву отсыплю! – заржал Мартин.

Харви оглянулся на него. Вдруг вспышка, громкое шипение, и... и в брюхе Мартина, будто сама по себе, возникла огромная дыра!

– Ах ты!..

Вскинув пистолет, он веером выпустил несколько пуль в заросли. Бо принялся поливать деревья очередями из «узи».

Вдруг Бо отчаянно завопил. Взглянув на друга, Харви успел увидеть, как его руку разнесло в клочья по самое плечо...

Слоун услышал выстрелы – слабое эхо вдали. Пистолет... автоматический пистолет-пулемет... Стрелков двое.

– Байкеры, – сказал он. – Нужно убираться из дома. Мы знаем лес лучше этих инопланетян. И «кикиморы»⁷ наденем.

Мэри молча кивнула.

Посреди дежурства Мака вызвала Лоретта.

– Мак? Поступило сообщение о стрельбе в стороне пруда Кроун.

– Принял, еду. Небось, байкеры снова палят по банкам.

– Хочешь, отправлю на помощь Чарли и Арни?

– Не-е. Эти байкеры – не такие идиоты, чтоб с нами шутки шутить. Словом, я проверю. Понадобится помощь – свяжусь с тобой.

– Осторожней, Мак. Вдруг они дурью обдолбались? Кто знает, что им в голову взбредет.

– Понял.

<Никакого интереса, – сказал Наканде. – Как в тире>.

⁷ Маскировочная плащ-накидка.

<Совсем неумелые, – согласилась его подруга, пожав плечами. – Но другой дичи нет. Все-таки лучше, чем ничего>.

<Не для того мы летели в такую даль, чтоб убивать столь жалкую дичь>.

<День только начался, – утешила его Вагути. – Пойдем за Снайпером?>

<Да. Надеюсь, он сохранил хоть немного бывшего мастерства>.

Впрочем, в это Наканде не верилось. Жаль...

«Кикимору» Слоун не надевал целую вечность, но это ведь – все равно, что ездить на велосипеде. Костюм до сих пор пах заплесневелыми тряпками и кошачьей мочой.

Он улыбнулся Мэри, застегивавшей молнии своей «кикиморы».

– Смеешься, да?

– Разве что самую малость. Ты здорово выглядишь. То есть выглядела бы, если б я мог тебя разглядеть.

Мэри улыбнулась в ответ.

– Какое ружье возьмешь?

Себе Слоун взял «мегабист» и «магнум». Побольше патронов. Большой охотничий нож. Жаль, нет гранат. И гранатомета. И тактических ядерных снарядов...

– Винчестер триста восьмого.

– А короткоствол?

– Обойдусь. Короткоствол, способный остановить такую тварь, ломает мне запястье.

– Да ладно! Ты куда крепче, чем выглядишь.

Мэри окинула взглядом свой костюм.

– Сейчас я выгляжу сущей ведьмой.

– Вовсе нет. Не ведьмой, а кикиморой.

Подкатив к трейлеру, Мак почуял запах горелого мяса, а вскоре увидел и трупы.

«Господи Иисусе!»

– Лоретта! Пошли ко мне Чарли и Арни. Вызывай шерифа Перкинса. Звони в полицию штата – пусть высылают спецназ.

– Мак, что там?

– Три трупа. Байкеры. С виду – будто убиты какими-то... лучами смерти из кино. Словом, у нас большие неприятности.

<В жилище тихо>, – сказала Вагути.

<Да>, – кивнул Наканде.

<Признаков жизни не вижу. И не слышу никого>.

<Их транспорт выведен из строя. Уйти они не могли>.

Вагути изумленно уставилась на мужа.

<А как же мы с тобой здесь оказались? Ты полагаешь, у них и ноги вышли из строя?>

Наканде покачал головой. Да, его подруга была остра на язык и никогда не давала об этом забыть. К счастью, у нее были и другие достоинства. Она была прекрасной Охотницей.

<Пойду, проверю>, – сказала она.

<Я и сам могу проверить>, – возразил он.

<Кто бы сомневался. Однако пойду я>.

Наканде пожал плечами. Спорить было ни к чему.

Вскоре его подруга вернулась.

<Их нет>.

<Ну что ж. Они ушли пешком. Вероятно, вооружены. Значит, идем за ними. Так даже интереснее>.

<Да>.

– Слоун, у нас есть план?

– Да, – кивнул Слоун. – Идем через лес к трейлеру байкеров. Там у них есть грузовик и мотоциклы. На них и уедем.

– Думаешь, они мертвы?

– Могу спорить на что угодно.

– Хорошо, а дальше?

– Дальше – будет видно. Услышим погоню – сядем в засаду и перебьем их.

– Если увидим.

– Верно. Но в прошлый раз получилось.

– Только мы чуть-чуть не погибли.

– «Чуть-чуть» не считается.

Маку следовало бы дожидаться помощи, но вокруг было тихо, как в склепе. Кто бы ни прикончил троих байкеров – он давно смылся.

Он снял с подвески в кабине дробовик и загнал патрон в ствол. Не то чтобы от этого стало намного легче – на земле рядом с убитыми валялись «узи», пистолет и помповый «сэвидж» двенадцатого калибра, плюс целая уйма стреляных гильз, и все же кто-то неизвестный прикончил всех троих.

Во влажной земле рядом с трупом самого здорового из байкеров остался след – отпечаток ноги с каким-то странным рисунком подошвы. А уж стоило Маку поставить рядом ногу... Господи Иисусе, у него же двенадцатый размер, а отпечаток на земле почти вдвое длиннее и более чем вдвое шире!

Боже милостивый... Следов здорового байкера вокруг было множество, и весил он, на глаз, фунтов триста, однако странный отпечаток был заметно глубже. Сколько же в этом, неизвестном? Семь футов росту? Четыреста фунтов весу?

Кто же это? Снежный человек, стреляющий из оружия, оставляющего в теле сквозную дыру размером с кулак, одинаковую на входе и на выходе?

– Лоретта, где там этот спецназ?

– Уже едут с базы полиции штата, будут через сорок пять минут. Чарли и Арни жди через десять.

– Нашим ребятам – отбой. Пусть возвращаются. Еще не хватало, чтобы попали в засаду по пути. Байкеров перебил кто-то, намного превосходящий нас в огневой мощи. Я сейчас отгоню машину и буду искать укрытие. Полиции штата передай: будут подъезжать – пусть свяжутся со мной по третьему каналу.

– Принято, Мак. Что там происходит?

– Хотел бы я знать. Ясно только что дело – дрянь.

– Слышишь?

Слоун оглянулся на Мэри.

– Что?

– Послушай.

Слоун напряг слух. Да. Негромкий звук сзади, со стороны дома. Не слишком близко, но и не так уж далеко.

– Надо было купить этот чертов слуховой аппарат, – пробормотал он.

– Главное, потом эти слова не забудь.

«Если, конечно, оно будет – это “потом”».

– Они сзади. А может, и всего один. Нужно сойти с тропы и затаиться.

– У них эти устройства для маскировки...

– Ага. Но они все же не совершенны. Если знать, что ждешь увидеть, разглядишь. Глаза у меня еще не настолько сдали. Идем.

<Нам нужно действовать осторожнее>.

<Кого нам опасаться? Старого уумана и его необученной подруги?>

<Вспомни, что о них рассказывают>.

<Я – Наканде, тот, кто выследил и убил в бою один на один кианде амедха! Меня не запугать какими-то байками!>

На сей раз Вагути промолчала. И правильно сделала: не ему, самому Наканде, терпеть поучения подруги в вопросах охоты! Что ему два старых дряхлых уумана, стоящих одной ногой в могиле? Тьфу!

<Они не могли уйти далеко, – сказал он. – Я покончу с самцом. Ты можешь взять на себя самку>.

Вагути вновь промолчала. Как и положено.

Слоун уже много лет стрелял только в стрелковом клубе Трех округов, да и то не так часто, как надо бы. На дальних дистанциях «мегабист» точно не блистал, но они с Мэри засели всего в пятидесяти метрах от сужения тропы – с такого расстояния Слоун мог стрелять хоть с завязанными глазами.

По крайней мере, надеялся, что еще может.

Он замедлил дыхание и расфокусировал устремленный на тропу взгляд. Оружие было готово. И он был готов.

Как только он выстрелит, выстрелит и Мэри. Ей нужно всего-то прицелиться в кривой ствол земляничного дерева и нажать на спуск – именно там он задумал уложить преследующую их тварь, увидев рябь в воздухе.

Выстрелив, оба откатятся в стороны и уберутся в лес – на случай, если кто-то сумеет заметить, откуда стреляли.

Теперь – никаких разговоров, никаких отвлечений внимания. Только ждать.

Время тянулось медленно-медленно...

– Вижу его, – прошептал Слоун. – На три... два... раз!

Он нажал на спуск, целя в рябь в воздухе перед стволом земляничника.

Рядом рывкнул винчестер Мэри.

– Марш!

Откатываясь в стороны, оба услышали нечеловеческий вопль, и сгусток энергии выжег пятно в траве в трех метрах позади них.

– Марш-марш-марш!

Либо оба промахнулись, что вряд ли, либо преследователей по меньшей мере двое.

Проклятье!

Вагути склонилась над Наканде. Он был еще жив, но это ненадолго. В него попали из кинетического оружия дважды. Один поражающий элемент пробил легкие, другой – бедро.

Стоило Наканде заговорить – и в его горле забулькало.

<Ты... была... права, – сумел выговорить он, прежде чем его скрутило в неодолимом приступе кашля. Из горла брызнула ярко-зеленая кровь. – Я недооценил этого уумана...>

Наканде снова закашлялся, издал предсмертный хрип и затих.

«Конец».

Вагути опечалилась, но лишь на миг. Прежде всего следовало отключить его устройство самоуничтожения. Конечно, на таком расстоянии взрыв прикончил бы ууманов, но ей хотелось прожить достаточно долго, чтобы сделать это самой.

«Да. Именно самой».

Неподалеку грохнули выстрелы – один гораздо громче другого. «Ну и грохот, – подумал Мак. – Крупный калибр. Кто там в кого палит?»

В этих глухих местах никто не жил, кроме пожилой пары, купившей дом Мак-Ги несколько лет назад. Ружья у старичка имелись – Мак пару раз встречался с ним на стрельбище. Лесничий на пенсии, отставной рейнджер или что-то вроде того – голова сплошь седая, лицо в морщинах, как сыромятная кожа...

Если это старички, тешиться надеждами не стоило. Они – кто бы ни были эти «они» – сумели справиться с троицей байкеров, несмотря на весь их арсенал.

Вот дерьмо... Стоило бы спецназа дожидаться, но – что, если там кто-то в беде? Надо проверить. За это ему и платят.

«Вот дерьмо...»

Слоун с Мэри шли через лес – быстро, как только могли. Теперь преследователь будет ждать новой засады, и превосходство в вооружении позволит ему зачистить любые подозрительные места. Теперь все решала скорость. Если удастся добраться до трейлера байкеров и завести их грузовик или хотя бы мотоцикл, они смогут оторваться. Вероятно, у преследователя тоже где-то поблизости есть транспорт, но мчаться по дороге, вжимая педаль в пол, куда лучше, чем идти пешком по лесу.

– Слоун?

– Теперь он будет двигаться медленнее – на случай, если мы снова устроим засаду. Рисковать с его стороны было бы ошибкой.

– Надежды, надежды...

– Я бы на его месте так и поступил. Он – охотник, преследующий добычу, которая только что серьезно ранила, а то и прикончила его дружка. Думаю, сможем уйти.

Вагути горевала о смерти Наканде, несмотря на всю злость на него. С последним вздохом он признал свою ошибку. Он не считал уумана серьезным противником, потому что тот постарел. Да, годы уносят с собой проворство и силу, но вовсе не всегда – мастерство. А что такое выстрел из оружия, из которого стрелял десять тысяч раз? Одно нажатие пальца. Ни сила, ни проворство для этого не нужны.

Она не повторит ошибки Наканде. Ууманы бежали к тому вонючему жилищу на колесах, где умерли другие, менее искусные ууманы. Это было разумно: там имелись транспортные средства, и ууманы решили, что таким образом смогут уйти.

Жвала Вагути дрогнули.

Да, тут стоило рискнуть. Идти следом за ууманами по лесу – не лучшее из решений.

Лучше всего прийти туда, куда они направляются, первой и подождать, когда они сами выйдут на линию прицела.

Хотя, возможно, она воспользуется боевыми лезвиями. Это будет веселее.

Мак шел через лес, держась в стороне от тропы, осторожно пробираясь сквозь кусты. Конечно, кусты в случае чего не защитят, но, если человека не видно, его куда труднее поджарить из лазера – или что там у них еще. Он двигался осмотрительно, не спеша. Либо пожилая пара прикончила преступников, либо старички были убиты – после первых двух выстрелов стрельба прекратилась. Что бы ни произошло, похоже, дело было кончено, и, если вдуматься,

следовало бы дожидаться спецназа... но нет. Маловероятно, но вдруг кому-то там еще нужна помощь? Мак должен был пойти и посмотреть.

Слоун замедлил шаг.

– Что?

Он сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух.

– Я вот думаю. Если твари, что охотятся на нас, убили байкеров, значит, им известно об их трейлере.

– И? А, вот ты о чем...

– Точно. Они знают, что там есть грузовик и мотоциклы.

– Думаешь, они и там баллоны порезали?

– Если знали, что байкеры мертвы, а нас собирались взять в доме, то, может, и нет.

– Так что же тогда?

– Они знают, что мы бежим, а ближайший транспорт – грузовик и мотоциклы байкеров.

– Да, и что?

– Если бы я шел следом за нами и решил, что знаю, куда мы направляемся... Конечно, двигаться медленно, чтобы не нарваться на выстрел из засады, было бы относительно безопасно. Но я предпочел бы пойти в обход и опередить нас.

– Плохо дело.

– Если они раньше охотились на людей, то должны понимать ход нашей мысли. С опасной дичью без этого никак. Ей нужно навязывать свою игру.

– Как я понимаю, очертя голову мчаться к берлоге байкеров – не в наших интересах. Может, надо... что это?

Слоун прислушался.

– Кто-то впереди, движется в нашу сторону. Лесом, в стороне от тропы.

– Тот самый монстр?

– Не знаю. Шума меньше, чем я ожидал. Давай-ка укроемся. Может, он снова подставится под выстрел.

По пути Мак изрядно взмок. Тучи рассеивались, вокруг, даже в тени деревьев, становилось все жарче – возможно, и за плюс тридцать сегодня зайдет – и он от души жалел, что не догадался захватить бутылку с водой или фляжку.

Неподалеку протекал ручей – можно было бы напиться из него, если не боишься подцепить заразу, хлебная вода, густо настоянная на бобровом и утином дерьме. Хоть бы фильтровальную трубку из багажника прихватить догадался...

«А заодно морскую пехоту и ВВС, раз уж на то пошло».

Мак взглянул вперед. Деревья, кусты, заросли ежевики.

Он вышел из кустов на крохотную прогалину...

– Не стреляй, – шепнул Слоун. – Это помощник шерифа.

– Вижу, – откликнулась Мэри. – Не слепая.

– Давай-ка попробуем предупредить его так, чтобы не начал палить во все стороны.

Слоун тихонько засвистел тему инопланетян из «Ближних контактов третьей степени».

– Слоун, ты что?

– Кто здесь?! Служба шерифа! Руки вверх и выходи!

– Господин уполномоченный, это Слоун с Мэри. Мы купили дом старого Мак-Ги. Вы встречались со мной на стрельбище.

– Оружие на землю и покажитесь!

– Господин уполномоченный, надо спешить. В лесу есть кое-кто еще, и очень опасный.

– Я видел, что стало с байкерами. Выходите!
– На нас «кикиморы». Маскировочные костюмы. Встанем – от кустов не отличишь. Оружие положили. Не стреляйте.
– Без резких движений.
Слоун с Мэри сняли капюшоны и медленно поднялись.
– О господи! Как же я вас не заметил?
– Просто мы не хотели показываться.
– Что за хрень здесь творится?
– Подойдите поближе. Ни к чему нам кричать.
– Сюда едет группа спецназа.
– Очень кстати, – сказал Слоун.
– Зачем вы свистели этот мотив?
– Чтоб вы задались этим вопросом и не начали палить из дробовика по кустам.
– А-а...

– Вы что, дурачить меня вздумали? – прорычал Мак.
– Нет. Мы сталкивались с этими тварями на Аляске, почти десять лет назад. Федеральным службам об этом известно. А после произошел мощный взрыв, уничтоживший все улики. Теперь эти существа вернулись.

– Да вы сумасшедшие!
Но Маку сразу же вспомнился тот след – больше любого человеческого...
– Вы когда-нибудь видели людей, убитых так, как эти байкеры?
– Нет. Но может, это какая-то секретная операция. Или соперничающая банда.
– А есть ли разница, если они людей убивают? – вмешалась Мэри.
Мак задумчиво взглянул на нее.
– Где вы оставили машину?
– В паре сотен ярдов от трейлера. У лесовозной дороги.
– Это хорошо. Может, нам удастся добраться до нее так, что эти твари не заметят. Можете нас арестовать, а обо всем остальном поговорим в более безопасном месте.
– Оружие придется сдать.
– Нет. Если эта тварь появится, вы ее, скорее всего, не увидите – у них какой-то электронный камуфляж, а нам нужно попасть в нее первыми. Трое стрелков лучше, чем один.
Мак призадумался.
– Господин уполномоченный, надо двигаться.
– Мак. Зовите меня Мак.
– Эта тварь может идти следом за нами, а может ждать впереди – в любом случае здесь оставаться нельзя.

Вагути вернулась к трейлеру. При быстром осмотре места обнаружилось, что кроме мертвых здесь больше никого нет.

Хорошо.

Воспользовавшись боевыми лезвиями, она привела в негодность средства транспорта – четырехколесное и три трехколесных. Шины дома на колесах тоже изрезала в клочья. Это следовало сделать с самого начала.

Затем она подыскала превосходное место, откуда могла бы следить за жилищем, но тут же решила, что это место не годится – чересчур удобно. На месте ууманов она первым делом подумала бы именно о нем.

Присмотрев другое, не столь удобное, но подходящее, она направилась туда. Они убили Наканде, несмотря на маскировку. Как? Впрочем, неважно как – главное, это произошло. Сле-

довало учесть, что ууманы могут заметить и ее, если не укрыться целиком. Наканде совершил роковую ошибку. Она ее не повторит. Она должна сдерживать ярость. Ее супруг мертв, и любая глупость с ее стороны может привести к схожему результату. Очевидно, рассказы не преувеличивали: старый ууман и его подруга действительно смертельно опасны.

– Мы думаем, она – или они – явились к трейлеру раньше нас и сели в засаду, – сказал Слоун. – Мы сможем подойти к машине незамеченными, если они там?

– Да. Нужно зайти с востока, через овраг. Вот только идти там – сплошное мучение.

– Уж лучше помучиться.

– Это точно.

Вагути устроилась в засаде, выровняла дыхание и принялась ждать. Охотник должен быть терпеливым. Наканде был хорошим Охотником и воином, но в списке его достоинств терпение было далеко не на первом месте. Он был силен и быстр, и этого было достаточно. До сего дня.

Она пристрелит их из плазменной пушки. Пронзить лезвиями и разделить на части было бы много приятнее, но Вагути не собиралась недооценивать эту дичь. Яутжа, недооценившие ее прежде, умерли именно по этой причине – все до единого, включая Наканде. Действовать нужно быстро и наверняка – добыть череп и возвращаться домой, где еще придется объяснять потомству, почему с ней не вернулся их отец.

«Он совершил ошибку, – скажет она. – Пусть его пример будет вам наукой».

В овраге было более-менее сухо, но спуск и подъем оказались очень крутыми. Трейлер, невидимый из-за густого леса, находился метрах в ста к западу. Если повезет, они выберутся из оврага, дойдут вдоль грунтовки до машины помощника шерифа и умчатся ко всем чертям, прежде чем преследователи успеют понять, что дичь ускользнула.

До сего дня Слоун с Мэри не рассказывали о том, что случилось на Аляске, ни единой живой душе, но теперь кот был выпущен из мешка.

Кто бы там из федеральных служб ни отвечал за борьбу с инопланетной угрозой, придется им прибыть и взяться за дело, но об этом можно было подумать и позже. Вначале следовало убраться отсюда живыми.

Достигнув дна оврага, они полезли вверх по противоположному склону. Придет октябрь, пойдут дожди, и этот овраг превратится в настоящую реку, но и об этом сейчас беспокоиться не стоило.

Почти взобравшись вверх, Мак ухватился за ствол засохшего деревца, и ствол толщиной с запястье обломился прямо под его рукой.

Утреннюю тишь нарушил громкий треск.

– Твою мать! – прошипел Мак, хватаясь за лапу огромной ели, чтобы не соскользнуть вниз.

Слоун прижал палец к губам.

Все замерли, вслушиваясь в тишину. Конечно, ушам Мэри и Мака следовало доверять больше, чем собственным, но Слоун затаил дыхание, напряг слух...

Тишина.

Возможно, с такого расстояния звук не донесся до трейлера?

– Идем, – скомандовал он. – Быстро.

Вагути услышала шум в лесу. Не близко, но и не так уж далеко. Треск сломанной ветки. Знакомый звук: именно с таким треском не раз пыталась уйти от нее крупная дичь.

Они огибали жилище кругом. Собирались подойти с неожиданной стороны, подозревая, что их ждет западня. Разумно. А также свидетельствует о том, что дичь – не только дичь, но и охотник.

Вагути обдумала возможную стратегию и тактику. Она легко могла бы сменить позицию и найти новую, обеспечивающую лучший обзор нужного сектора.

Или неожиданно для них выйти им навстречу.

Возможно, неожиданность где-то и оправдалась бы, но здесь ей места нет. Рассчитывать на нее не стоит. Возможно, они и не знают точно, где она, но будут начеку. Двое, оба вооружены... На подходе они разделятся, и, атаковав одного, она превратится в легкую мишень для второго. Сама Вагути на их месте так бы и сделала.

Ей нужно, чтобы они остались вместе.

Вагути поднялась.

– Патрульная машина – там, сразу за поворотом, – сказал Мак.

Слоун кивнул.

– Может, дашь мне ключи? Я пойду и подгоню ее сюда. Не стоит всем троим подходить слишком близко.

Помощник шерифа сдвинул брови.

– Машина моя, мне и идти.

– Мы прикроем, – согласился Слоун.

Вагути почуяла это транспортное средство еще до того, как увидела: густую вонь сгоревшего нефтяного дистиллята, используемого на этой планете в качестве топлива, невозможно было спутать ни с чем иным.

Вагути нахмурилась. Когда она в первый раз осматривала эту местность, здесь не было никакого транспорта. С тех пор неподалеку появился кто-то еще.

Кто-то новый.

Значит, вот куда направлялся Снайпер. Вовсе не к убитым ууманам. Задумал сбежать.

Вагути увидела автомобиль. Опознала его. Судя по специфическому оформлению, это было транспортное средство местных органов правопорядка.

Новая вооруженная дичь. Сколько их?

Вагути осторожно двинулась ближе.

Как только Мак направился к машине, Слоун заговорил:

– Нам нужно разделиться. Оставайся здесь, а я пойду на ту сторону дороги.

– Зачем?

– Если один из них рядом, он не успеет сменить прицел, чтобы снять нас обоих. Увидишь вспышку – стреляй по ней.

Мэри кивнула.

– Осторожнее, Слоун.

– Хорошо. Не высывайся. Оставайся в укрытии.

Вооруженный ууман подошел к транспорту.

Стрелять было нельзя – это означало бы подставиться под огонь остальных. Возможно, ей и удалось бы справиться со всеми, но это не самый разумный выбор. Их было минимум трое, а возможно, и больше.

Что, если они в самом деле намерены бежать на этом транспортном средстве? Тогда остается лишь подождать, пока все они не окажутся внутри, где им не увернуться и не выстрелить в ответ, взять автомобиль на прицел и завершить охоту.

Не так интересно, как хотелось бы, однако она получит голову уумана, убившего ее супруга. И кто, если вдуматься, сможет ее упрекнуть? Ведь она осталась одна против многих – вооруженных, да еще и настолько опасных.

Вагути слегка отодвинулась назад в поисках лучшей позиции. Автомобиль направится туда, по дороге, удаляясь от нее. Остальные, должно быть, затаились дальше – ждут его приближения. Если не знаешь, где цель, в нее не попасть. К тому же не стоит забывать: все они действуют так, как действовал бы Охотник.

Но она добывала опасную дичь на дюжине планет. Добудет и эту.

Нужна только позиция поудобнее.

Вагути огляделась...

Мак отпер дверцу автомобиля. Распахнул ее. Окинул взглядом окрестности.

Ничего.

Вставил дробовик в скобы подвески.

Скользнул на сиденье. Завел мотор. Развернул машину и медленно, осторожно, стараясь не поднимать пыли и не создавать лишнего шума, тронулся с места.

Машина помощника шерифа медленно двинулась в сторону Слоуна.

Слоун внимательно вглядывался в заросли позади нее.

Пока что все было в порядке.

Вот только опять это ощущение, что за ним следят...

Будь он инопланетным хищником, наблюдай оттуда, из леса – что сделал бы в такой ситуации? Их трое, все вооружены. Если хищник только один, стрелять опасно.

«Дождаться, когда все сядут в машину – и разнести ее на куски».

Слоун кивнул собственным мыслям.

Патрульный автомобиль затормозил.

– Полезайте, – позвал Мак.

«Линия прицела, – подумал Слоун. – Где я засел бы, чтобы попасть в машину?»

Следовало учесть, что враг должен видеть автомобиль. И любого, кто подойдет к нему, чтобы забраться в кабину.

– Мэри. Пригнись и забирайся назад. Я сделаю вид, будто сажусь вперед.

– «Сделаю вид»?

– Если я присяду пониже, открою дверцу и захлопну ее, они могут не увидеть, что я делаю. Зависит от того, под каким углом наблюдают.

– Ты что-то видишь?

– Нет. Но они рядом.

– Ты уверен?

– Да.

– Что ты делаешь? – удивленно спросил Мак.

– По-моему, за нами следят. Хлопну дверцей – дай пять секунд вернуться в укрытие и газуй. Зигзагами, да пыли побольше подыми.

Последовала короткая пауза.

– Окей.

Слоун проводил взглядом Мэри, крадущуюся к задней дверце. Распахнув дверцу, она прыгнула внутрь.

Слоун сделал глубокий вдох, присел пониже и двинулся гусиным шагом к пассажирскому месту впереди. Открыл дверцу – и тут же захлопнул.

«Либо меня видят, либо нет. Если видят, стрелять не станут. А если нет?»

Откатившись в кусты, он залег, вжавшись лицом в землю.

«Три... два... один...»

Мак ударил по газам. Колеса взвизгнули, поднимая в воздух тучу пыли. Машина порывала из стороны в сторону, нащупала опору и рванулась вперед.

Слоун поднял голову, вглядываясь в дорогу и в заросли – вглядываясь, вглядываясь во все глаза...

Вагути взяла транспортное средство ууманов на прицел. Оно подняло за собой хвост пыли, мешая целиться, но все они были там, внутри. Пора...

Ничего. Как ни вглядывайся – никакой ряби в воздухе.

Может, ошибся?..

...шишка! Шишка, упавшая с высокой оregonской сосны по ту сторону дороги!

Слоун поднял взгляд вверх, по траектории ее падения...

«Ты был достойным противником, Снайпер. Честь тебе и хвала, но все же яутжа – лучшие Охотники. Смерть идет за тобой».

«На дереве! Он там, на дереве! Но где же?»

Должно быть, на той толстой ветке в пяти метрах от земли. Более тонким веса этой твари не выдержать.

Но Слоун ничего не видел. Воздух был неподвижен. Вот дерьмо!

У самого основания ветки, присев и опираясь спиной о ствол... Скорее всего.

Времени гадать не было. Если тварь собирается стрелять, ее нужно опередить. Слоун поднял взгляд, прицелился вверх, в пустоту, и нажал на спуск.

Вагути приготовилась к выстрелу, но вдруг бок пронзила страшная, невыносимая боль. Вагути упала вниз...

Услышав удар, почувствовав, как вздрогнула земля, Слоун выхватил револьвер.

Ничего. Никаких лучей смерти.

Выходит, только один?

Он замер, направив ствол на место падения невидимой твари.

Вагути не могла дышать: от удара о землю перехватило дух. Из ран в груди и спине струилась кровь. Ребра были сломаны, внутренности повреждены, но она еще жила.

С огромным трудом ей удалось подняться.

Поврежденное при падении маскировочное устройство отказало. Теперь стрелок мог ее видеть. Примерно представив себе, где он, она выстрелила – понизу, ведь он наверняка залег...

Земля в полуметре слева от Слоуна вздыбилась, заряд энергии пропахал в почве глубокую двухметровую борозду.

Слоуна осыпало комьями земли, в лицо дохнуло жаром.

Он поднял револьвер, прицелился в центр огромной фигуры и выстрелил.

Шестьдесят метров – не такая уж сложная дистанция для этого оружия.

Хищник упал.

Новых зарядов энергии не последовало.

Значит, один. Будь их больше – другие бы выстрелили.

Он поднялся на ноги.

– Ты достал его? – спросила Мэри за спиной.

– Да.

За Мэри стоял Мак.

– Думаешь, он не один?

– Один, иначе я был бы мертв.

Втроем они подошли к умирающему или мертвому инопланетянину, распростертому на ковре из пожелтевшей хвои.

Этот оказался не так велик, как другие. Подросток? Нет, самка!

Охотница подняла взгляд на Слоуна, сказала что-то на незнакомом, совершенно чужом языке, засмеялась – по крайней мере, звук был очень похож на смех, – закашлялась и умерла.

– Ничего себе! – выдохнул Мак. – Ты только глянь! В жизни подобного не видел!

И тут Слоун почуял неладное. Какая-то штука – часы? – на запястье охотницы... На ней заморгал огонек!

«О, дьявол!»

– В машину – быстро, быстро! – сказал Слоун.

– Что?

– У нее какое-то устройство самоликвидации! Вскоре взорвется и разнесет все вокруг. Уходим!

Все трое побежали к машине.

Они успели отъехать на полмили. Бомба взорвалась, и взрывная волна швырнула машину к обочине, точно рука невидимого исполина.

Мгновение спустя все поняли, что живы. Мак нервно рассмеялся.

– Поверить не могу. Просто поверить не могу, что сам все это видел.

Слоун оглянулся на Мэри. Та улыбнулась, и он вновь повернулся к помощнику шерифа.

– Еще пара раз – и поверить будет легче, – сказал он.

Уэстон Окс. Пусть кровью полит путь домой

Центральная Мексика, 1916 г.

Холодный свет месяца заливал долину, превращая мир в жутковатое царство призраков. Света было достаточно, чтобы скакать вперед, пока кони не начали спотыкаться. Желтовато-серая, табачного цвета земля покрылась темными бугорками – поди разбери, где креозотовый или мескитовый куст, а где человек, устроившиеся на ночлег. Лейтенант Провиденс Поуп осторожно шел среди спящих солдат. Все кости отчаянно ныли после четырнадцати часов в седле. Стоило остановиться – и все уснули там, где попадали с ног. Все, кроме него и Сандерсона. Они не могли лечь спать, не убедившись, что люди устроены как полагается, и не выставив часовых. А после Сандерсону еще вздумалось собраться на совет и развернуть карты. Проклятые карты... Как будто карта может рассказать обо всем на свете!

– Ни одна карта не скажет того, чего земля говорить не желает, – постоянно твердил Небраска Джон.

Огромный сержант говорил сущую правду. Поуп пытался убедить в этом Сандерсона, но тот и слушать не стал. Оба они, хоть и с разницей в четыре года, закончили один и тот же курс обучения, в Вест-Пойнте в обоих, класс за классом, вбивали уроки Гражданской войны. Но здесь в битве сошлись не регулярные армии. Здесь был не Геттисберг и не первое или второе сражение при Булл-Ран⁸. Хроники всех этих битв и Поуп и Сандерсон могли бы пересказать наизусть чуть ли не поминутно, изобразить их в «песочнице» и одним духом отбарабанить все ошибки с обеих сторон. Но нет, здесь все было больше похоже на свары индейских племен: одни гонятся за другими, пока те не развернутся, не примут бой и вновь не обратятся в бегство.

Едва приняв роту Б прославленных Солдат Буффало⁹, гонявшихся за команчами и апачами вдоль границы, он понял: придется осваивать новую тактику. И обратился к ветеранам Солдат Буффало – вроде сержант-майора Небраски Джона, воевавшего в черной кавалерии вот уже двадцать лет, или старика Фиц-Ли, заслужившего медаль за храбрость в битве при Сан-Хуан-Хилл¹⁰, еще в кубинскую кампанию. Каждый из этих людей знал о военных действиях много больше, чем все отставные полковники и майоры, преподававшие в Вест-Пойнте, вместе взятые. И вот, на тебе – люди, утомленные маршем, расположились на отдых в долине, со всех сторон окруженной возвышенностями, выбранной не кем-то, а Сандерсоном, которому она, видите ли, показалась местом, где можно «расположиться на отдых скрытно». Будь проклят этот Сандерсон! Этот умник с Восточного побережья доведет их всех до могилы...

– Лейтенант Поуп, сэр, – раздался грубый голос справа, – кофейку не желаете?

В импровизированном очаге из камней и земли, укрывавшем от посторонних глаз красноватые отсветы, тлели угли. Рядом с костерком сидели два солдата – оба в синих кавалерийских мундирах с желтыми кантами. Темно-синие кители с медными пуговицами – лакомым трофеем для индейцев, светло-синие штаны, стоптанные, порыжевшие кавалерийские сапоги на ногах. Пояса с флягами и патронами для карабинов Крага-Йоргенсена образца 1896 года, лежащих рядом. Мягкие фетровые шляпы – не стетсоны, как у Поупа и Сандерсона.

Поуп подошел к ним, присел рядом и протянул пыльную жестяную кружку, которую носил на поясе как раз для подобных случаев.

⁸ Первое (21 июля 1861 года) и Второе (28–30 августа 1862 года) сражения при реке Булл-Ран, а также сражение при Геттисберге (1–3 июля 1863 года) – самые известные и кровопролитные битвы Американской Гражданской войны.

⁹ Буффало («бизоны») – прозвище, данное индейцами солдатам 10-го кавалерийского полка армии США, целиком состоявшего из афроамериканцев. Впоследствии распространилось на солдат всех афроамериканских полков, сформированных в 1866 году – 9-го и 10-го кавалерийских, а также 24-го и 25-го пехотных.

¹⁰ Ключевое сражение испано-американской войны 1898 года, произошедшее 1 июля. Одним из командующих армией США в нем был будущий президент Теодор Рузвельт.

– Не откажусь. Спасибо.

Он взглянул на обоих, но имен вспомнить не смог.

– Я – рядовой Пайл, а вот он – рядовой Стив, – сказал тот, что предложил ему кофе.

– Стив? Это твоя фамилия? – спросил Поуп, взглянув в лицо чернокожего.

– Отца звали Стив. Мама хотела, чтобы о нем осталась память, вот я и получаюсь Стив Стив.

– Откуда ты? – спросил Поуп.

– Из Билокси, са-ар.

– Это твоя первая операция, рядовой?

– Так точно, са-ар, – ответил солдат, опустив голову и уткнув взгляд в землю.

Подобных манер Поуп успел насмотреться досыта. Пятьдесят лет, как отменили рабство, – а черные до сих пор робеют перед белыми. Поуп знал, что на свете есть места, где до сих пор все остается как в старые времена, но никогда не бывал там. Он родился и вырос в долине Гудзона, а затем был зачислен в Вест-Пойнт, Военную академию США, и общение с черными соучениками изменило его взгляды на положение черных и белых американцев. А назначение в прославленный на весь мир «черный» кавалерийский полк сформировало эти взгляды окончательно.

– Послушай-ка, рядовой. Ты – солдат гордого знаменитого полка. Выше голову! Никаких мне тут поклонов да расшаркиваний!

– Я ему говорил, эль-ти Поуп, да он не слушает. А я же так и сказал: Солдаты Буффало – самый славный полк на всем Западе.

– Вот что я тебе скажу, рядовой Стив. Черный Джек, генерал Першинг¹¹, говорит: чтобы видеть врага, солдат должен смотреть вперед. Ты же не увидишь врага, уставившись в землю, так?

– Так, са-ар, – ответил рядовой Стив, не отрывая глаз от земли. Впрочем, он тут же опомнился, по его губам скользнула мимолетная улыбка, и он в первый раз поднял взгляд на Поупа. – То есть так точно, са-ар!

Поуп хлопнул его по спине.

– Вот и молодец.

Поднявшись, он вынул из кармана часы, взглянул на циферблат и покачал головой.

– Нужно еще зайти кое к кому насчет этих карт, – проворчал он.

Выплеснув недопитый кофе, Поуп пристегнул кружку к поясу и направился к офицерской палатке, обдумывая на ходу последний аргумент, при помощи которого собирался убедить капитана Сандерсона прислушаться к нему. Вдруг он заметил краем глаза какое-то движение справа. Вначале Поуп решил, что это человек, но, повернувшись, не увидел никого. Однако один из кустов на его глазах дрогнул, а за ним и другой, а затем составленные в пирамиду винтовки сами собой упали на землю. Никого. Ни единого дуновения ветра. Однако все выглядело так, будто там прошел человек.

Громко закричав, лейтенант сорвал с пояса пистолет и бросился к упавшим винтовкам.

Люди повскакали с мест, схватились за оружие, заозирались вокруг. Все поднялись по тревоге и целый час обыскивали лагерь, но никого не нашли. Однако Поуп приказал удвоить караулы – на всякий случай.

– Увидели привидение, Поуп? – пренебрежительно усмехнулся капитан Сандерсон, когда со всем было покончено. Он был командиром роты А и всего разведотряда – примадонной и сущей конской задницей.

Но Поуп увидел то, что увидел. Просто не знал, что это значило.

¹¹ Джон Джозеф Першинг по прозвищу «Черный Джек» (1860–1948) – прославленный генерал армии США, участник испано-американской и Первой мировой войн. В описываемый период – инструктор тактики Вест-Пойнта.

– Береженого бог бережет, – пробормотал он, присаживаясь и глядя, как Сандерсон забавляется со своими картами.

Они уже десять дней участвовали в том, что осталось от Мексиканской экспедиции – генерал «Черный Джек» Першинг повел в Мексику больше десяти тысяч человек, чтобы расчитаться с Панчо Вильей¹² за нападения на суверенные земли Соединенных Штатов. Дело не заладилось с самого начала. Панчо Вилья оказался прямо-таки призраком. Затем, после битвы у Карризала, к генералу прибыл гонец с сообщением, что его вместе с армией отзывают назад. Мало того, что мексиканскому правительству вовсе не понравилась мысль о десяти тысячах американских солдат, в погоне за Панчо Вильей углубившихся в территорию Мексики на пять сотен километров; президенту Вильсону требовалось, чтобы Десятый Кавалерийский полк шел на восток, грузился на корабли и отправлялся на войну в Европу.

Поуп хорошо помнил этот момент. Он как раз был в генеральской палатке и в полной мере почувствовал всю силу генеральского гнева. В тот миг он сделал то же, что и рядовой Стив – поспешил спрятать взгляд, да поближе к земле. Слова генерала были обращены к самому президенту Вудро Вильсону, и никто из присутствовавших ни за что не осмелился бы пересказать их другому или хотя бы произнести вслух – из опасений оказаться перед шеренгой из семи солдат с винтовками.

– По данным разведки Вилья движется на запад, – начал Сандерсон, указывая на карту. – Судя по всему, пошел к Гуанаджуато.

Услышав это «дж» на месте испанского «J», Поуп вздохнул.

– Никаких свидетельств тому, что Вилья находится где-либо возле Гуанахуато, – ответил он, произнеся испанское «J» верно, как «х», – нет. Знаю, знаю, данные разведки, но ведь ваши разведчики, как и... как и...

– Говорите, лейтенант, не стесняйтесь, – покровительственно, с вирджинским растягиванием слов сказал Сандерсон. – Мы оба знаем, что до этой экспедиции я успел повоевать.

– Я не об этом, сэр, – с досадой ответил Поуп. – Просто я знаю, что такое гоняться за команчами. У них особая манера двигаться по бездорожью. Не могу точно сказать, почему, но богом клянусь, сэр: мы гонимся не за Вильей, а за индейцами.

– А разведчики из мотоциклетного отделения? Их данные ничего не стоят?

В Мексиканской экспедиции армия США впервые использовала в боевых действиях мотоциклы – в основном для разведки и доставки сообщений. Двух мотоциклистов Першинг выделил их отряду.

– Я удивлен, что им вообще удалось увидеть хоть кого-то – учитывая, как грохочут их машины. Команчи слышат их за милю. И, признаем честно: опыт преследования команчей у них нулевой.

– Совсем как у меня.

– Этого я не говорил, сэр.

– Прекрасно, Поуп. Ваши аргументы я слышу уже десять дней. Позвольте спросить, как бы поступили вы, если бы командовали отрядом?

– Разделил бы наши силы надвое. Ваши люди знают о преследовании индейцев больше, чем пятьдесят выпускников Вест-Пойнта. В этом я убедился на собственном опыте, как только принял роту, – Поуп ткнул пальцем в карту. – В настоящий момент я вижу следующую проблему. Мы все собраны в кучу в этой долине. Будь я команчем – укрылся бы вот здесь и...

Полог палатки распахнулся, и внутрь заглянул Небраска Джон. Его жесткие волосы были острижены под «ирокез». Правую сторону головы сплошь покрывали страшные шрамы – когда-то с него едва не сняли скальп.

¹² Хосе Доротео Аранго Арамбула, прозванный «Панчо Вилья» (1878–1923) – один из лидеров крестьян-повстанцев во время Мексиканской революции 1910–1917 годов.

– Почему ты мешаешь нам, парень? – нахмурился Сандерсон.

Оставив замечание без ответа, Небраска Джон устремил взгляд на Поупа.

– У нас проблема, са-ар. Часовые с западной и южной стороны исчезли.

– Что значит «исчезли»? – спросил Сандерсон.

– То самое и значит, са-ар. Исчезли.

– Ребята знают? – спросил Поуп.

– Так точно, са-ар. Все оповещены. И готовы.

Сандерсон схватил Поупа за плечо.

– О чем это вы? Я не слышал сигнала тревоги!

– Здесь индейские земли, сэр. В таких случаях мы не поднимаем тревоги. То, что я сделал сегодня, – совсем другое дело. Я думал, кто-то проник в лагерь. И, вполне возможно, так оно и было. Ваши люди знают, что делать. Команчи намерены застать нас врасплох, но у них ничего не выйдет, – Поуп поднялся. – Своим людям нужно доверять.

С этими словами он вышел из палатки и направился прямо в центр расположения своей роты. Его взгляд был устремлен под ноги, однако он видел множество теней – темных пятен на склонах окрестных холмов.

– Готовь людей к бою, – шепнул он, опускаясь на землю рядом с Небраской Джоном.

Небраска Джон громко ухнул филином. Звук эхом раскатился над долиной, и, подчиняясь команде, Солдаты Буффало рот А и Б медленно перевернулись на живот и прицелились в темноту. Этот маневр они разучили давно и очень эффективно применили в прошлом году, отражая нападение команчей к югу от Агуа-Приеты.

– Огонь, – шепнул Поуп.

Небраска Джон заухал по-совиному, и сто винтовок выстрелили разом – понизу, в каком-то футе от земли. Ночь огласилась криками воинов-команчей, кравшихся к лагерю и внезапно угодивших под залп.

– Огонь! – крикнул Поуп, выхватывая пистолет. – Беглым!

Следующий залп накрыл команчей, поднявшихся, чтобы бежать. Выстрелы загревели с обеих сторон, воздух наполнился черным пороховым дымом, и разглядеть что-либо в неярком свете луны стало еще труднее.

Вдруг Поуп увидел фигуру, устремившуюся к знамени роты Б. Этот команч, самый странный из всех, которых ему доводилось видеть, возник, словно из ниоткуда. На нем была какая-то странная броня, но еще более странными оказались его волосы. Команч потянулся к знамени. Поуп поднял пистолет, прицелился вдоль восьмидюймового ствола и выстрелил индейскому воину в спину.

Воин резко развернулся, так, что его толстые косы взметнулись в воздух, будто бичи, и вскинул странный пистолет.

Поуп выстрелил снова и попал воину в грудь. Тот покачнувшись, отступил на шаг, выстрелил в ответ, и...

Поуп не поверил собственным глазам. Пуля врага развернулась в воздухе, превратившись в сеть!

Лейтенант упал вправо. Сеть, слегка зацепив плечо, пролетела над ним, накрыв с головой рядового Стива. И тут Поуп с ужасом увидел, что сеть затягивается сама собой – ее нити впились в кожу жертвы так, что кровь брызнула. Но глазеть по сторонам времени не было: лейтенант вновь развернулся к странному воину и выпустил в него оставшиеся четыре пули. Поначалу ему показалось, что пули врага не берут, но воин тут же зашатался... и замерцал в воздухе, то появляясь, то исчезая.

Поуп вскочил на ноги, но прежде, чем он успел сделать хоть шаг, мимо пронесся Небраска Джон. С разбегу врезавшись в странного воина, он поднял с земли огромный камень и обеими руками обрушил его на голову противника – раз и другой.

Поуп огляделся. Солдаты вокруг – кто лежа, кто с колена – стреляли по движущимся теням. Ругаясь при виде потерь среди своих, он твердой рукой зарядил пистолет и на мгновение вспомнил собственный ужас в первом бою с индейцами. Эти воспоминания заставили взглянуть в сторону роты А. Люди Сандерсона обступили капитана – плотным строем, будто когорты римских легионеров. Да, впечатляющая огневая мощь... но и мишень – просто загляденье. И тут Поуп понял, в чем дело. Сандерсон приказал своим встать вокруг него – живым щитом! Ах, мать твою...

Трое из людей Сандерсона упали. За ними – еще трое. А еще одного – будто бы подняло в воздух и с силой швырнуло оземь. Нелепо взмахнув руками, солдат скорчился на земле и затих.

Один из мотоциклов взорвался, озарив все вокруг яркой вспышкой. Кто-то открыл огонь из единственного в отряде десятиствольного пулемета Гатлинга образца 1895 года.

Пронзительно завизжали лошади.

Поуп подполз к Небраске Джону и впервые сумел разглядеть странного команча вблизи. Небраска Джон поднял на лейтенанта круглые от изумления глаза.

– Что же это за команч такой, са-ар?

– В жизни подобных не видел.

Команч был облачен во что-то вроде доспехов – с виду металл, но гораздо мягче на ощупь. Лицо его было скрыто под какой-то маской. Нет, не команч. По всему видно – из совершенно других индейцев.

Поуп подобрал с земли пистолет странного воина. Вопреки ожиданиям, пистолет оказался поразительно легким.

Внезапно еще один из команчей, прорвавшись сквозь строй солдат, устремился к ним.

Поуп поднял трофейный пистолет и выстрелил. Сеть, развернувшись в воздухе, накрыла голову команча, сбила его с ног и прижала к земле.

Странный воин встрепнулся.

– М-ди мар-кт, – донеслись из-под маски незнакомые, чужие слова. – М-ди мар-кт.

– Вроде не по-команчски, – заметил Небраска Джон.

– Потому что это не команч, – сказал Поуп, поднявшись во весь рост с пистолетами в обеих руках. – Я не знаю, кто это.

Невдалеке словно из воздуха возник еще один странный воин. Этот был выше ростом и держал в руках длинное копье с хищно зазубренным наконечником. Двигался он с невероятной быстротой. Уворачиваясь от пуль, он принялся выкашивать солдат роты Б, будто фермер – траву. Поуп понял, что этот воин пробивается к нему, и почувствовал мимолетный страх, видя, как легко враг режет его людей.

Поуп отступил на несколько шагов, присел над поверженным воином, убрал свой пистолет в кобуру, а оружие странного воина приставил к его голове.

– Небраска, за спину, – приказал он.

Срубив еще троих солдат, новый индеец остановился. Зазубренное острие копья блеснуло в нескольких дюймах от лица Поупа.

– Брось оружие, или я убью его, – сказал Поуп. Он не знал, поймет ли его враг, но от души надеялся на это.

– Брось оружие, или я убью его, – в свою очередь сказал воин.

Услышав собственные слова, Поуп озадаченно моргнул.

– Кто ты? – спросил он.

– Кто ты? – повторил воин его собственным голосом.

Этот воин был выше того, что лежал на земле. На его груди, на темной цепочке, висел обломок медвежьего когтя. Его темные доспехи тут же напомнили Поупу картинки с рыцарями времен Крестовых походов, но эта броня явно была устроена так, чтобы не стеснять движений. Его лицо было скрыто под маской – такой же, как на том, кого Поуп держал на прицеле.

Между тем стрельба вокруг почти стихла.

– Эль-ти Поуп, это – сам дьявол? – прошептал Небраска Джон.

Взглянув на собственную руку, прижимавшую поверженного воина к земле, Поуп отрицательно покачал головой.

– Нет. Его можно ранить.

Рука была выпачкана люминесцентной едко-зеленой жидкостью. Что, если дьявола все же можно ранить, и кровь у него именно такова?

– Я не шучу, – сказал Поуп воину, стоявшему перед ним. – Кто вы такие и зачем пришли?

Воин слегка повернул голову, будто увидев невдалеке что-то новое, и сказал с незнакомым акцентом:

– Мы – яутжа. Я-ут-жа. Мы бьемся вместе с команчами.

Слова звучали странно, неестественно.

– Команчи – наши враги, – ровно сказал Поуп. – Значит ли это, что и вы наши враги?

Яутжа вновь слегка повернул голову, будто прислушиваясь.

– Ууман к-в вар ууман, – сказал он и тут же перевел на английский: – Люди охотятся на людей.

Под его маской что-то защелкало.

Поуп обдумал его замечание.

– Мы охотимся на них, потому что они охотятся на нас, – сказал он. – Охотимся затем, чтобы они не охотились на нас.

Яутжа опустил копье и крутанул им в воздухе, повернув острие к земле.

За спиной яутжа раздались крики.

Поуп опустил пистолет. За спиной яутжа стояли несколько его людей с оружием наготове. И тут ему в голову пришла безумная идея, но действовать следовало, не мешкая ни секунды. Он встал и поднял раненого яутжа на ноги.

– Вот. Забирай его. Я не знаю, как его лечить.

Яутжа на миг задумался, шагнул вперед и взвалил маленького яутжа на плечо. Спина раненого мерцала люминесцентными кляксами зеленой крови. Встав во весь рост, Поуп отметил, что раненый яутжа выше его на целую голову.

– Лейтенант Поуп, что у вас тут? – раздался невдалеке голос Сандерсона.

– Иди. Быстро, – сказал Поуп, кивнув влево. – Не трогайте этих двоих! – во весь голос крикнул он своим. – Я приказываю пропустить их!

Яутжа, подхватив на руки маленького воина, двинулся прочь.

– Лейтенант Поуп, что вы делаете?

– Я разрешил им забрать раненого.

– Что? Неслыханно! Отменяю приказ лейтенанта! Беглый огонь!

– Не стрелять! – крикнул Поуп.

Солдаты неуверенно перевели взгляд с Сандерсона на Поупа, но подчинились тому белому офицеру, которого знали дольше.

– Ну, с меня довольно, – раздраженно сказал Сандерсон.

Выхватив пистолет, он выстрелил в спину уходящего яутжа.

Огромный воин остановился, оглянулся – и в грудь Сандерсона, свистнув в воздухе, вонзился металлический диск размером с блюдце.

Сандерсон ахнул, выронил пистолет и неуклюже упал на колени, кашляя кровью.

Поуп бросился к нему.

Металлический диск ушел в грудь Сандерсона до половины. Коснувшись его, Поуп почувствовал, как металл завибрировал – и в ужасе раскрыл рот. Диск дрогнул, высвободился из тела Сандерсона и полетел обратно к яутжа, а тот, неуловимым движением поймав диск, вдруг исчез – исчез, будто его и не бывало, вместе с раненым.

Солдаты Буффало зашептались. Послышалась изумленная ругань; несколько человек, упав на колени, горячо зашептали молитвы. Остальные замерли, не в силах сдвинуться с места, устремив изумленные взгляды туда, где только что стоял яутжа.

Сандерсон захрипел, ничком рухнул на землю и испустил дух.

Остаток ночи ушел у Поупа на то, чтобы, разбив людей на пятерки, собрать мертвых и очистить поле боя. Для помощи раненым развернули сортировочный пост и выставили удвоенные караулы. Поуп был уверен, что против команчей они выстоят, но очень сомневался, что у караульных есть хоть какие-то шансы против яутжа – особенно против того, большого, с копьем. Время присесть и подумать появилось лишь перед самым рассветом. Рядовой Пайл очень кстати принес лейтенанту кофе и сообщил, что рядовой Стив не выжил, но это Поуп к тому времени уже знал. В ту ночь полегло очень много хороших солдат – он успел ознакомиться со списком, составленным Небраской Джоном. Из ста человек, вошедших в долину накануне, в живых осталось шестьдесят пять, а невредимых из них – тридцать девять. Поуп подозревал, что половина погибших убита яутжа.

Рядом грузно опустился на землю Небраска Джон.

– Будем возвращаться, са-ар?

– Да, план такой, – кивнул Поуп. – Хватит с нас потерь.

– А из-за чего все началось? Кто ж они такие?

– Он назвал себя «яутжа». Кто они и откуда, мне неизвестно.

– Ребята зовут их демонами. Могут ли они вправду быть демонами, как вы полагаете, са-ар?

Поуп глотнул кофе – только он и помогал не заснуть. От усталости все тело будто налилось свинцом.

– Небраска Джон, я не знаю, что такое демон. Могут ли они быть демонами? Возможно, но я так не думаю. Не похоже на то.

– У него кровь зеленая, са-ар, – приглушенным голосом сказал Небраска Джон.

– Главное – его можно ранить, – ответил Поуп.

Тут усталость взяла верх, и Поуп провалился в темноту.

Проснулся он оттого, что капрал Моутс тряс его за плечо.

Поуп заморгал от яркого дневного света. Солнце поднялось высоко, утро подходило к концу. Во сне ему снилась девушка, за которой он когда-то ухаживал, его землячка из богатой семьи. У нее были роскошные светлые волосы, а следом за ней тянулся аромат сирени и апельсинов... Лейтенант сел и огляделся, выбрасывая из головы последние крохи приятных сновидений.

– Са-ар, сержант-майор велел разбудить вас.

Поуп протер глаза, будто и в самом деле мог стереть с лица усталость, поднялся на ноги и заправил рубашку в штаны.

Капрал Моутс служил в роте уже десять лет и был опытным солдатом. Через его левую щеку тянулся рваный шрам. Желтоватая кожа вокруг шрама собралась в складки, отчего могло показаться, что Моутс постоянно улыбается, но Поуп знал: это не так. На родине, в Кентукки, всю семью Моутса вырезал Клан, и он отправился на запад, строить новую жизнь. Небраска Джон говорил, что Моутс каждую ночь смотрит в небеса, и о чем он при этом думает, ни для кого, кто знал его, не было секретом.

– Что случилось? – спросил Поуп, наклонившись за своей кружкой. На дне плескался остывший кофе. Поразмыслив, Поуп поднес кружку к губам и выпил все. Пусть кофе остыл – хоть немного поможет поскорее проснуться.

Моутс указал в сторону восточного края лагеря.

– У нас гость, са-ар.

– Что за гость, капрал?

– Старый погонщик мулов. Пришел от команчей. Говорит, должен передать вам что-то, а что – скажет только вам.

– Караулы выставлены?

– Да, все в порядке, держатся начеку. А мотоциклист нашел этого погонщика мулов и привез сюда.

Поуп улыбнулся. Скорее, команчи прекрасно знали маршруты мотоциклистов и рассказали погонщику мулов, где их искать.

– Спасибо, капрал. – Поуп шагнул вперед, но тут же остановился и обернулся. – Вы и остальные уже поели?

– Да, са-ар. Галеты с водой.

– На мою долю не раздобудешь? – спросил Поуп.

Галет ему хотелось меньше всего на свете. Эти маленькие квадратные хлебцы на вкус были – будто сухая земля. Но такая роскошь, как горячая еда, на марше доступна далеко не всегда, поэтому лейтенант ел и галеты, с грехом пополам воображая, будто это что-то получше. Например, печенье, испеченное той девушкой, с которой он познакомился в Вест-Пойнте. Будь он проклят, если может вспомнить ее имя... только аромат, да волосы, щекочущие пальцы. Нет, имя он знал, но, отправляясь в бой, неизменно прятал все приятные воспоминания в глубокую темную яму – для пущей сохранности. Отчего это воспоминание выплыло наружу? Бог весть...

– О, конечно, са-ар!

Капрал Моутс кивнул и рысцой побежал к лошадям.

Лейтенант Поуп подошел к Небраске Джону, присматривавшему за погонщиком мулов – метисом лет шестидесяти, стоявшим рядом с сержант-майором на коленях. Седые волосы погонщика были собраны в хвост на затылке на индейский манер, но несколько выбившихся прядей развевались на ветру. Лицо его было рябым от оспин, взгляд затуманен.

– Что у нас тут? – спросил Поуп.

Небраска Джон шевельнул огромными плечами, поднял ногу и увесистым пинком опрокинул погонщика мулов на спину.

– Говорит, у него сообщение для вас, са-ар.

– Он чем-то оскорбил тебя, сержант-майор? – спросил Поуп.

– Так точно, са-ар. Он – наполовину индеец, са-ар.

– Что ж, этот повод невзлюбить человека не хуже любого другого. Особенно в этих местах. Итак, к делу. Что ты пришел передать?

– Команчи, – заговорил погонщик мулов, испуганно косясь на Небраску Джона. – Они послали меня. Сказали, надо вам передать... вы должны кой-чего сделать.

– Так выкладывай, – поторопил его Поуп, гадая, куда мог запропасться Моутс.

– Нанисувакайта... они требуют, чтобы вы дрались. Говорят: ваш бой с ними не закончен.

– Кто же такие эти нани... вака?..

– Они называют себя «яутжа», но на самом деле это нанисувакайта. Духи. Никто не может устоять против них, и они могут уходить в мир духов. Когда исчезают – уходят туда.

Поуп поднял бровь.

– Вот как! Чего же они хотят от нас?

– Они говорят: четыре их воина будут биться с четырьмя вашими лучшими воинами.

– И что дальше?

– Все ваши люди смогут свободно уйти.

– Они могут уйти хоть сейчас.

Погонщик мулов огляделся вокруг, и лицо его исказилось от страха.

– Нет. Не могут. Нанисувакайта вокруг, везде. Только в образе духов.

При мысли о том, что они окружены невидимой армией яутжа, Поуп похолодел и медленно обернулся, вглядываясь в тень. Трижды яутжа появлялись – на миг, словно лишь затем, чтобы показаться на глаза – и тут же исчезали, и трижды все внутри сжималось от страха.

– Мои люди смогут свободно уйти – неважно, победим мы или проиграем? – спросил Поуп.

Погонщик мулов испуганно заозирался по сторонам.

– Да. Так они говорят.

– А откуда мне знать, что они сдержат слово?

– У них своя честь, сэр. Вот так же они пришли к нам. Вызвали на бой наших лучших. Мы проиграли, но это не помешало им присоединиться к нам... и помогать. Они с нами уже полгода.

– Значит, четверо моих людей будут биться с четырьмя их... я-ут-жа.

– Верно. Нанисувакайта любят бой. Выпивки – не любят. Игры – не любят. Только бой.

Поуп повернулся к сержант-майору:

– Что думаешь?

– Думаю, надо бы содрать с этого погонщика мулов шкуру и отправить его обратно к матушке, са-ар, – Небраска Джон снял шляпу, пригладил жесткие волосы и снова надел ее, аккуратно выровняв тулью. – Но если нужно спасти своих, придется сделать, как он говорит.

– Так тому и быть, – Поуп покачал головой. Все это ему совершенно не нравилось, но он не на шутку опасался, что выбора нет. – Иди и скажи им, что мы согласны. Где и когда?

– Можете сказать им сами, – ответил погонщик мулов, указывая на восток. – Они ждут вас в следующей долине. Просто отправьте туда четверых, и они сделают то же.

Поуп взглянул на Небраску Джона.

– Отпусти этого человека. Нужно составить план.

Поуп знал, что не может послать на такое дело никого из своих, если не пойдет в бой сам. Командовать – значит, вести за собой; выходит, первым из четверых быть ему. Мать дала сыну имя Провиденс¹³, чтобы в жизни его не оставляла удача. Пока что оно себя оправдывало – возможно, оправдает и сегодня. Небраска Джон настоял на том, что пойдет с ним, и Поуп был рад этому: пожалуй, если у кого и были шансы на победу, то только у него. Волею судьбы, стоило им задуматься над тем, кого еще позвать с собой, явился Моутс. Узнав, о чем речь, он вызвался быть третьим. Что ж, Моутс был превосходным солдатом, лучшего и искать не стоило, и его приняли в четверку обреченных без возражений.

Оставив товарищей вдвоем готовиться к бою, Поуп отправился на поиски Конроя, разведчика из мотоциклетного отделения, типичного ирландца, для которого драться – все равно что дышать. После гибели Сандерсона они с Поупом остались единственными белыми на весь отряд. Долго упрашивать его не пришлось, и вскоре отряд из четырех смертников двинулся в путь.

Поуп, Моутс и Небраска Джон вооружились винтовками и пистолетами. Кроме этого, все трое прихватили по ножу для разделки туш и томагавку, взятым с мертвых апачей. Конрой взял с собой обрез, пистолет, кавалерийскую пику и нож, а еще – мотоцикл, на котором и ехал рядом с лошадьми остальных, успевшими в долгом походе привыкнуть к этим шумным, трескучим машинам.

– Давайте вспомним, что нам о них известно, – сказал Поуп, и сам же рассмеялся: – На самом деле – ничего, так?

– Они могут быть разного роста, са-ар, – заметил Моутс.

– Верно. А еще по-разному вооружены. Возможно, это зависит от роста, но может зависеть и от звания.

¹³ Providence (англ.) – провидение, промысел Божий.

– Полагаете, у этих я-ут-жа есть воинские звания? – усомнился Конрой.

– Они – воины... а может быть, даже солдаты. Раз так, то и воинские звания должны быть. Потому я и позволил тому здоровяку забрать раненого. Никогда не бросай своих, как говорится.

– Резонно, – согласился Конрой. – А драться как будем? Кого мне бить первым?

Поуп поднял бровь.

– Пока не знаю. Одно скажу: как только узнаю я, узнаешь и ты.

– Вот слова выпускника Вест-Пойнта, – фыркнул Конрой.

До следующей долины было пять миль. Вдобавок она оказалась не столько долиной, сколько небольшим каньоном, тупиком, огороженным с трех сторон стенами из огромных, размером с железнодорожный вагон, камней. Ровное дно каньона, этак шестьдесят на шестьдесят футов, было покрыто землей и сухой травой. Все это было видно и по карте, вот только карта не могла показать ни впечатляющих размеров камней, ни того, как они сложены в трехстороннюю стену, будто гигантские кирпичи. Лошадей привязали к мескитовому деревцу – там, где они не могли помешать. Здесь же Конрой оставил мотоцикл. Все четверо вышли в центр каньона и остановились в ожидании... и ровно через десять секунд перед ними, в двадцати футах, возникли четверо яутжа.

Остальные яутжа появились на скалах, наверху.

Оставалось только надеяться, что все это – просто зрители, и Поуп не привел своих людей в огромную ловушку.

С виду четверо воинов яутжа были примерно одного роста с Солдатами Буффало: трое размерами со среднего человека и плечистый великан под стать Небраске Джону. Казалось, яутжа нарочно подобрали бойцов, равных людям хотя бы с виду. «Интересно», – подумал Поуп. Если его выводы верны, это говорило о том, что бой будет честным, а значит, была и надежда, что яутжа сдержат слово.

Тем временем в каньоне появился пятый яутжа, и Поуп узнал в нем огромного воина, с которым столкнулся в ночном бою. Остановившись между четверками бойцов, он повернулся к Солдатам Буффало.

– Четыре боя, потом конец, – сказал он с тем же странным, непривычным акцентом.

– Оружие? – спросил Поуп.

– Только два.

– Они в доспехах, са-ар, – заметил Небраска Джон.

– Верная мысль.

Поуп обратился к яутжа:

– Если это честный бой, ваши воины должны снять доспехи.

Яутжа склонил голову набок.

Остальные четверо, до сих пор неподвижно стоявшие в картинных позах, внезапно переглянулись. Что это, уж не тревога ли? Поуп от души надеялся, что так оно и есть.

– Если без доспехов, то и без вашего громкого оружия.

Поуп на секунду замешкался, соображая, что такое «громкое оружие», но тут же понял, о чем речь. Винтовки и пистолеты. Вероятно, доспехи яутжа хоть чуточку да защищали их от пуль, и без доспехов они были бы обречены. Условие было справедливым.

– Договорились, – ответил Поуп. – И еще одно, – он нарисовал в воздухе круг и сделал вид, будто швыряет этот круг в цель. – Без дисков, которым ты убил Сандерсона.

Яутжа снова склонил голову, и под его маской что-то защелкало.

– Эти яутжа не бьются таким оружием. Они еще не готовы к нему.

Поуп кивнул.

– Значит, до смерти? – спросил он, в глубине души надеясь, что яутжа возразит.

– До смерти.

– Превосходно, – сказал Поуп, хотя думал ровно противоположное.

Он отвел своих назад. Все четверо сняли шляпы и мундиры и сложили оружие в кучу.

Первым яутжа без доспехов и масок увидел капрал Моутс. При виде их лиц он вытаращил глаза и изумленно раскрыл рот.

– Иисус, Мария и Иосиф! Да кто ж это?

Солдаты Буффало обернулись и тоже замерли от изумления и ужаса, увидев, что скрывалось под масками. Диковинные выступы на лицах яутжа оказались жвалами, как у гигантских насекомых. Каждое из этих жвал заканчивалось то ли зубом, то ли когтем, то ли шипом – острым, смертоносным с виду.

Внезапно все четверо яутжа защелкали жвалами. Плечи их мелко затряслись. Поуп понял: они смеются – смеются над реакцией Солдат Буффало!

Поуп повернулся к своим:

– Что ж, теперь мы знаем: они носят маски, чтоб спрятать свои уродливые рыла. И в эту минуту они смеются – смеются над вами, над вашим испугом. Каждому из вас довелось повидать и команчей, и апачей. Каждый из вас не раз смотрел в лицо тем, кто хочет вашей смерти. Сейчас – то же самое. Разницы никакой. Эти яутжа – те же индейцы, только другого племени. Вот и все. Все просто и ясно. Все вы видели: их можно ранить, так же, как меня и вас. А если можно ранить, то можно и убить. Понятно?

Небраска Джон и Конрой кивнули, но Моутса явно одолевали сомнения.

Поуп схватил его за плечи и встряхнул.

– Моутс, ты меня слышишь?

Моутс медленно кивнул, но тут же, будто очнувшись, закивал быстрее.

– Да, я слышу вас, са-ар.

Поуп на миг замешкался. Ему очень не хотелось говорить об этом, но он заставил себя продолжать:

– Слушай. Ты так и не смог отомстить Клану за то, что сделали с твоей семьей.

Моутс поднял взгляд. Страх в его глазах исчез, уступив место ярости.

– Взгляни на этих яутжа.

Моутс повернулся к врагам.

– Сейчас они – это Клан. Они снова убьют всю твою семью. Весь Клан тебе не одолеть, но уничтожить этих воинов – в твоих силах. Понятно? Понятно, капрал?

Моутс стряхнул с плеч руки Поупа. В его голосе зазвучала угроза.

– Так точно, са-ар. Понятно.

– Тогда за дело.

Поуп и остальные развернулись и сделали несколько шагов вперед.

– Мы готовы, – объявил лейтенант.

Огромный яутжа поманил вперед одного из своих бойцов – из тех, что были ростом с человека. Его кожа была испещрена зелеными и бурыми пятнами, лицо искажено гримасой ярости, точно морда демона. Но Солдаты Буффало знали: будь перед ними хоть сами демоны, их можно ранить и можно убить, и это значило, что у людей есть шанс.

Поуп шагнул навстречу противнику, но Моутс оттолкнул его и твердым шагом двинулся на середину.

Как и на остальных, на Моутсе оставалась лишь белая нижняя рубаша и заправленные в сапоги штаны с подтяжками. В правой руке он держал томагавк, а в левой – нож для разделки туш. Лица его Поуп не видел, но голова капрала была поднята высоко.

Его противник расправил плечи и развел в стороны жвала. Он был вооружен длинными зазубренными железными когтями – по паре на каждую руку.

Поуп ждал сигнала к началу боя, но никаких сигналов не последовало. Яутжа просто рванулся вперед. Моутс остановился, отставив за спину левую ногу.

Когти яутжа свистнули, рассекая воздух, но Моутс нырнул под удар, взмахнул томагавком и отсек противнику солидную часть бедра.

Враг покатился по земле.

Моутс завершил кувырок и ловко встал на ноги. Поуп воспрянул духом: призрачные надежды остаться в живых на глазах превращались в нечто осязаемое.

Яутжа поднялся и развернулся к Моутсу. На сей раз он не бросился в атаку, а мягко, крадучись, двинулся вперед, но Моутс оставался на месте. Яутжа нанес удар. Моутс отшатнулся, увернувшись от его когтей, и ударил яутжа ножом.

Яутжа вскинул вверх ногу и выбил оружие из его руки.

Моутс замешкался, провожая нож взглядом, и когти яутжа полоснули его поперек горла.

К небу взвился фонтан крови. Моутс рухнул на колени. Вражеский воин опустил руку на его голову, вонзив когти в кость, а свободной рукой вновь полоснул Моутса поперек шеи, отделив голову от тела.

Повернувшись к своим товарищам, победитель вскинул кровавый трофей высоко вверх и испустил нечеловеческий торжествующий визг.

Смерть Моутса едва не обратила надежды Поупа в прах, но лейтенант был уверен: шансы есть. Моутс просто совершил ужасную, роковую ошибку.

Небраска Джон вышел на середину, подхватил обезглавленное тело Моутса и понес его к своим. Кровь товарища залила его нижнюю рубашку, но он, казалось, и не заметил этого. Бережно опустив мертвое тело на землю, он выпрямился и повернулся к врагам.

– Позвольте мне, – сказал Конрой. – Дайте-ка, я попробую.

Поуп поднял руку, останавливая Небраску Джона.

– Давай, Конрой. Прикончи этого сукина сына.

Вместо того чтобы направиться к центру, Конрой подошел к мотоциклу, пнул стартер и медленно покатил на середину. В правой руке он держал пику.

Навстречу ему вышел еще один яутжа ростом со среднего человека, тоже вооруженный железными когтями.

Конрой поддал газу и направил мотоцикл на противника. Тот легко отступил в сторону. Конрой остановил машину и снова прибавил газу, не двигаясь с места. Заднее колесо мотоцикла бешено завертелось, вгрызшись в траву и выбросив в воздух – прямо в лицо яутжа – целый град мелких комьев земли. Конрой сорвался с места, отъехав футов на двадцать, развернул машину на сто восемьдесят градусов и снова прибавил газу.

Никогда в жизни Поуп не видел ничего подобного. Конрой использовал свой мотоцикл как боевого коня!

Пока яутжа отплевывался и протирал запорошенные землей глаза, пика Конроя вонзилась в его грудь, пробив тело врага насквозь. Не выпуская древка пики, Конрой уперся ногами в землю, и мотоцикл устремился вперед без него. Лишившись управления, машина завилась, промчалась с дюжину ярдов, врезалась в огромный камень, упала набок и заглохла. Конрой пригвоздил яутжа к земле, сорвал с пояса нож и принялся яростно колотить вражеского воина.

Небраска Джон победно вскинул вверх сжатый кулак.

Но Поуп затаил дух...

Тут это и произошло.

Яутжа, возможно, из последних сил поднял руку и вонзил когти в щеку Конроя.

Конрой вскрикнул от неожиданности и злости и рухнул на врага, сдавившего его в предсмертных объятиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.